

ЭРНЕСТ
СЕТОН-ТОМПСОН

*Маленькие
дикари*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Эрнест Сетон-Томпсон

Маленькие дикари

«Азбука-Аттикус»

1893

УДК 82-3
ББК 84-44

Сетон-Томпсон Э.

Маленькие дикари / Э. Сетон-Томпсон — «Азбука-Аттикус»,
1893 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-21874-1

Повести и рассказы знаменитого канадско-американского писателя, художника и натуралиста Эрнеста Сетона-Томпсона хорошо знакомы многим поколениям читателей во всем мире. В его историях выразительные, полные метких и точных наблюдений картины природы сочетаются с яркими, увлекательными, подчас драматичными сюжетами. В настоящее издание вошла знаменитая повесть Сетона-Томпсона «Маленькие дикари», которая рассказывает о приключениях мальчишек на лесных фермах в Канаде. Увлеченно и фая в индейцев, дети открывают для себя удивительный мир родной природы. В книгу также включены повести «Монарх, огромный медведь из Таллака» и «Билли — пес, показавший себя молодцом» в новых переводах, а также, впервые на русском, забавный и увлекательный авторский сборник коротких рассказов, стихов и басен «Лесные сказки и истории».

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-389-21874-1

© Сетон-Томпсон Э., 1893
© Азбука-Аттикус, 1893

Содержание

Маленькие дикари, или Повесть о том, как два мальчика вели в лесу жизнь индейцев и чему они научились	6
Часть первая	6
I. Ян	6
II. Весна	7
III. Братья Яна	7
IV. Книга	8
V. Незнакомец	8
VI. Гленьян	10
VII. Хижина	10
VIII. Знакомство с лесной жизнью	11
IX. Следы	11
X. Бидди	12
XI. Перелом	12
XII. Рысь	13
Часть вторая	14
I. Новый дом	14
II. Сэм	15
III. Вигвам	16
IV. Бабушка Невилль	20
V. Калёб	22
VI. Постройка типи	24
VII. Тихий вечер	25
VIII. Священный огонь	27
IX. Лук и стрелы	29
X. Плотина	31
XI. Тайны трав	34
XII. Угощение	36
XIII. Шпион	37
XIV. Ссора	41
XV. Примирение	43
Часть третья	46
I. Здравствуй, лес!	46
II. Первая ночь и первое утро	48
III. Хромой воин и «книга посетителей»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эрнест Сетон-Томпсон

Маленькие дикари

Сборник

Изведав мучения жажды, я попробовал вырыть колодец, чтоб из него черпали и другие.

Э. Сетон-Томпсон

Ernest Thompson Seton

1860–1946

Two Little Savages

* * *

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2022

© И. Ю. Куберский, перевод стихотворений, 2022

© Н. А. Темчина (наследник), перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022. Издательство АЗБУКА®

**Маленькие дикари, или Повесть о
том, как два мальчика вели в лесу
жизнь индейцев и чему они научились**
Перевод Н. Темчиной

**Часть первая
Гленьян**

І. Ян

Ян рано пристрастился к чтению. Как и многие другие его сверстники, двенадцатилетние мальчишки, он больше всего любил книги про индейцев и книги о жизни зверей и птиц.

Но в те далекие годы об этом писали мало. В библиотеке Ян нашел лишь «Скандинавских охотников» Ллойда, «Ботанику» Грэя и две-три повести Фенимора Купера. Мальчик перечитывал их без конца.

Отец Яна никогда не интересовался его увлечениями, но, решив однажды, что подобные книги могут помешать учебе сына, запретил и думать о них.

Между тем учился Ян хорошо и был в числе первых учеников, хотя в классе занимались ребята и старше его.

Ян рос послушным, робким мальчиком, но тут, впервые в жизни, он не подчинился воле отца. Правда, Ян не стал перечить ему открыто, но зато начал хитрить и при всяком удобном случае норовил улизнуть в лес или в поле. Ни от кого не таясь, он часами следил там за птицами, разглядывал неизвестные ему цветы и травы.

Из школы Ян возвращался всегда самым извилистым путем. Ему непременно хотелось пройти мимо магазина, где за стеклом была выставлена картина, на которой два терьера ловили крысу. Напротив находилась табачная лавка, где в витрине стоял слон, нагруженный тюками. А в магазине на соседней улице торговали дичью. Ян обычно разглядывал там битых уток, а когда их не было, любовался оленьей головой – она-то всегда оставалась на своем месте. Немного дальше был меховой магазин, где красовалось великолепное чучело медведя. На Джерви-стрит стоял дом с высокой террасой, под которой, как ему рассказывали, держали раньше медведя на цепи. С тех пор прошло много лет, но мальчику доставляло большое удовольствие ходить мимо места, с которым было связано такое необычайное событие. На углу улиц Грэнд и Пэмбертон когда-то убили хорька, и школьники утверждали, что после дождя запах зверька чувствуется до сих пор. И когда сырым туманным вечером Ян попадал на этот перекресток, он с наслаждением вдыхал воображаемый запах.

Но больше всего времени Ян проводил, прижавшись носом к витрине мастерской чучел на улице Мэн. Чего тут только не было! Головы лис и кошек, шкура волка, олени рога и, наверное, больше пятидесяти чучел птиц. На некоторых – удостоенных чести быть выставленными на ежегодной ярмарке – висели ярлычки с названиями. Эти надписи мальчик хранил в памяти, словно сокровенную тайну, хотя, как потом выяснилось, многие названия оказались не совсем верны.

Год спустя или, может быть, немногим более у Яна возник отчаянный план. Он должен побывать в самой мастерской! Прошло несколько месяцев, прежде чем Ян решился на этот шаг. Попроси он хозяина просто показать ему всякие диковинки, едва ли тот отказал бы маль-

чику. Но на такой подвиг ему не хватало смелости. И все-таки однажды Ян вошел в мастерскую. Как страшно зазвенел дверной колокольчик! Затем наступила еще более угрожающая тишина, и перед мальчиком появился мистер Сэндер, хозяин магазина.

– Сколько... сколько стоит эта сова в витрине? – запинаясь, вымолвил Ян.

– Два доллара, – ответил мистер Сэндер.

И тут мужество покинуло Яна. Опрометью бросился он на улицу. Ведь ни разу в жизни у него не было столько денег! Он не слышал, что кричал ему вслед хозяин. Ян был испуган, пристыжен, и его не покидало чувство, что он побывал в необыкновенном царстве и оказался недостойным там остаться!

II. Весна

Больше всего Ян завидовал жизни индейцев. Каждой весной его непреодолимо тянуло отправиться бродить по белу свету. С первым пробуждением природы душу его охватывало трепетное волнение.

При виде диких гусей, с призывными криками летевших на север, у Яна словно кровь закипала: ему хотелось лететь вместе с ними.

Многие школьные товарищи Яна говорили, что «любят весну», а девочки даже «обожали» это время года, но никто из них не мог понять, почему так ярко сверкали глаза Яна, когда наконец наступала весна, почему его неудержимо влекло вон из душного класса.

– Если бы я мог убежать отсюда! – с волнением восклицал он.

Только одно удерживало его от бегства из дому с индейцами или цыганами – это страх перед отцом.

III. Братья Яна

У Яна был брат Рэд, старше его двумя годами. Учился Рэд гораздо хуже Яна, за что очень сердился на него и никогда не упускал случая показать Яну свое превосходство в силе.

Как-то раз, забравшись под дом, Ян неожиданно очутился в яме, где можно было выпрямиться во весь рост. И он подумал, что было бы неплохо устроить здесь свою рабочую комнатку – мастерскую. Ян знал, что если к его просьбе присоединится и Рэд, который пользовался в семье репутацией «здравомыслящего», то разрешение отца будет получено. Рэд тут же согласился и даже сказал, что уговорит отца сам. Так он и сделал.

Мальчики взялись за работу. Много дней ушло на то, чтобы углубить яму с трех до шести футов. Ян после школы сразу принимался за дело, а Рэд всегда находил тысячу причин, чтобы не браться за лопату.

Ян не раз с восторгом рассуждал о том, что они будут делать в своей мастерской. Рэд нехотя соглашался, отдавал распоряжения и уходил.

Наконец стены были возведены, а в дверцу даже вставлен замок. Ян сиял от счастья и гордости! Он вымел пол и сел на самодельную скамью, чтобы еще раз оглядеть свою мастерскую, как вдруг Рэд сказал:

– А теперь выйдем и запрем дверь.

Это решение показалось Яну очень важным. Они вышли. Рэд запер дверь и спрятал ключ в карман. Потом, обернувшись к Яну, он холодно и жестко сказал:

– Запомни – чтоб ноги твоей здесь не было. Разрешение отец давал мне одному.

Другой брат, Алнер, моложе Яна на полтора года, был с ним одного роста, но на этом их сходство исчерпывалось. Алнер был большой хвастунишка и лентяй. Ему страшно хотелось как-нибудь отличиться. Безразлично как, лишь бы о нем все говорили. Но он никогда и пальцем бы не шевельнул, чтобы достичь своей цели. Каждое утро братья шли вместе с школу –

таков был наказ отца. Но там они почти не встречались. Братьев ничто не связывало; они были слишком разные. Алнер не разделял увлечений Яна, и поэтому неудивительно, что с каждым днем Ян все больше отдалялся от своих братьев.

IV. Книга

Однажды Ян прочел в газете, что в свет вышла книга «Птицы Канады».

Никогда раньше он не считал деньги такой необходимой вещью, как теперь. «Если б у меня был доллар!» – думал мальчик. Ян откладывал каждую монетку, которая попадала в его руки, и наконец спустя полтора месяца стал обладателем заветной суммы! Чувствуя себя самым богатым человеком на свете, он побежал в книжную лавку. Ян просто сгорал от нетерпения; на какую-то секунду ему показалось вдруг, что книга стоит тысячу долларов и к тому же ее уже нет в продаже. Но этого не случилось. Хозяин лавки повернулся к стопке книг и спросил Яна:

– Вам в какой обложке – зеленой или красной?

– В зеленой, – ответил Ян, все еще не веря в свое счастье.

Хозяин взглянул на книгу и сказал равнодушно:

– Девяносто центов.

– Девяносто центов! – изумился Ян.

Откуда же ему было знать, что книга, пролежавшая некоторый срок, становилась дешевле? А сколько труда стоило ему собрать последние десять центов!

По дороге домой Ян с благоговением перелистывал страницы. Правда, в книге он не нашел того, что искал, но обвинял в этом самого себя. Ян перечитывал ее от корки до корки, не сомневаясь, что именно эта книга откроет ему тайны природы. Лишь спустя несколько лет Ян понял, что книга эта – беспомощная стряпня, которой так часто угощают непросвещенную публику. И все же там были кое-какие полезные сведения: названия птиц и несколько никуда не годных рисунков.

V. Незнакомец

Каждый год весной Яна неудержимо тянуло в лес. Как-то в один из солнечных апрельских дней Ян отправился в небольшой лесок неподалеку от города. Лес был полон незнакомых цветов, птичьего гомона, таинственных шорохов. Казалось, каждое дерево и каждый куст говорили с Яном на своем языке. А из глубокого, полного воды оврага доносился странный свист: «Пи-ип, пи-ип, пи-ип!..» – словно кто-то просил Яна подойти и посмотреть. Ян подбирался все ближе. Вдруг совсем рядом прозвучал и тут же смолк громкий свист. Под бревном Ян увидел маленькую ящерицу. Заметив мальчика, она тут же юркнула в норку. Это было единственное живое существо, которое Ян разглядел. И он решил, что то была «свистящая ящерица».

Потом долгое время Ян лежал у небольшого озерка, но там он никого не приметил. Видно, мальчик распугал всех лесных обитателей. Ян было направился к другому озерку, как вдруг совсем рядом послышались шаги.

Ян оглянулся и увидел незнакомца, наблюдавшего за ним. Мальчик покраснел и очень смутился, словно его застали на месте преступления.

Незнакомец, человек средних лет, в поношенной одежде, выглядел несколько странно. За спиной у него была жестяная коробка, в руке он держал сачок на длинной палке. Обветренное лицо, обрамленное седой бородкой, было сурово, но глаза светились умом и мягкостью. Когда незнакомец снял шляпу, подставив разгоряченное лицо ветру, то оказалось, что у него такие же густые волосы, как у Яна. Спутанные, жесткие, они напоминали морскую траву, прилипшую к старому утесу.

– Что ищешь, дружок? – обратился он к мальчику.

– Ничего, – смущенно ответил Ян. – Просто мне хотелось посмотреть на «свистящую ящерицу».

Незнакомец улыбнулся и сказал:

– Сорок лет назад я вот так же, как ты, лежал у пруда и высматривал там «весеннего пiskuна». Я лежал целый день и еще много дней подряд, прежде чем года через три понял, в чем дело. Тебе не придется терять столько времени. Пойдем я покажу его.

Пошарив руками в листьях у самого берега озера, он поймал совсем маленького, не больше дюйма в длину, лягушонка.

– Вот твоя «свистящая ящерица»! Это лягушка. Она высовывает из воды только нос, и ее трудно заметить. Возьми ее домой, корми хорошенько и, может быть, увидишь когда-нибудь, как она раздует горлышко и свистнет, словно паровоз.

Теперь уж Ян осмелился рассказать незнакомцу о ящерице, которую видел под бревном.

– Едва ли это ящерица, – сказал тот, – здесь их совсем не видно. Это, наверное, тритон. А ящерица – та же змея, только с ногами.

Тут уж мальчик совсем засыпал незнакомца вопросами и рассказал ему о книге, которую купил с таким большим трудом. К удивлению Яна, тот очень рассердился, услышав имя автора, а саму книгу назвал «бессмысленной ерундой».

Незнакомец рассказал Яну, что таинственная черная птица, которую он видел в поле, называется «тоухи». Неизвестный голос, нежно распевающий по утрам в лесу, принадлежит серому дрозду.

Чудесная птица с красной шапочкой на голове, желтоватыми крыльями и таким же хвостом, выставленная в чучельной мастерской, – дятел. Иволга и ориол оказались одной и той же птицей.

Над ними пролетела черная бабочка, и Ян узнал, что это «кэмбервельская красавица», видно перезимовавшая где-то, потому что ей еще не время порхать в лесу. И вдобавок Яну стало известно, что появилась эта бабочка из обычной бурой гусеницы. В синей вышине проносились большие стаи диких голубей, и незнакомец рассказал Яну о гнездовьях этих птиц на далеком юге, о том, как в поисках пищи они стремятся весной на север за крылатыми орешками канадского вяза, в августе – на рисовые поля в Каролину, а в сентябре – в долины Миссисипи, где созревают желуди бука и дуба.

Проходя по небольшому холму, поросшему сосной, они вспугнули двух крупных птиц, с треском и шумом поднявшихся над деревьями.

– Глухари полетели, – сказал незнакомец. – Эта пара живет где-то здесь, поблизости, и прилетает сюда за ягодами грушицы.

Ян нагнулся, сорвал несколько ягод и стал жевать их на ходу. Вдруг вдалеке послышался треск, напоминающий легкую барабанную дробь.

– Что это? – воскликнул Ян.

– Глухари токуют, – ответил его спутник. – Те птицы, которых ты сейчас видел.

Этот день навсегда сохранился в памяти Яна. И яснее всего запомнились не те птицы и растения, о которых он узнал, а запах грушицы.

Индейцы знают, что запах сильнее всего пробуждает воспоминания, и многие из них хранят на память о счастливых минутах пригоршни сосновых игл, комок крысиного мускуса или еловую смолу.

Было уже далеко за полдень, когда незнакомец сказал Яну:

– Ну, мне пора. Может, еще встретимся, дружок, – и протянул мальчику руку.

Ян горячо сжал ее, но, по застенчивости, не решился даже узнать имя своего спутника.

Он спохватился, когда незнакомец уже скрылся из виду. И сколько потом Ян ни бродил по лесу, надеясь снова встретить его, им никогда больше не довелось увидеться.

VI. Гленьян

Что за дивную песнь пели в тот год дикие гуси! Их трубный зов проникал в душу Яна, и сердце его ответно трепетало. Это была песнь о мирном гнездовье, о подвигах на чужбине, о голоде и жажде. Песни о черных больших болотах, низком закатном небе и о сияющем солнце!

Разве то была новая песнь? Нет! Дикие птицы пели свою старую песню, и только Ян словно впервые услышал ее.

Стараясь понять ее смысл, Ян брел по их безлюдному пути, к северу и только к северу, вверх по реке, выбирая самые пустынные места. Река свернула к востоку, но небольшой ручей впадал в нее с севера, и Ян пошел вдоль ручья, сквозь лес, по узкому ущелью, которое вскоре привело его в долину, поросшую редкими деревьями. Светлый ручей журчал под сенью огромных берез, сосен и вязов. В их ветвях мелькали красные белки. На берегу ручья Ян отыскивал следы хорька, выдры и еще каких-то зверюшек.

Место это было столь уединенное, что Яну не стоило большого труда убедить себя, будто он первый открыл его и, как первооткрыватель, имеет право присвоить долине свое полное имя – Гленьян.

С той минуты мальчик только и думал что о своей долине. Улучив свободную минутку, он уходил туда. Иногда ему хотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью; часто Ян мечтал снова встретить того незнакомца и привести его в свою долину.

Это был его собственный мир, который ему указали дикие гуси, подобно тому как чайки некогда привели Колумба в Новый Свет¹.

Когда отец продал свой участок земли, Ян очень огорчился. Но теперь, завладев лесным уголком, где росли могучие деревья, Ян словно ожил. Он мог подолгу вглядываться в густые кроны деревьев, сидеть у прозрачного ручья, где серебристыми стрелками проносились уклейки. Яна не оставляло чувство, что весь лесной мир принадлежит ему.

VII. Хижина

У Яна не было ни топора, ни лопаты, и все-таки он принялся строить хижину. Для нее Ян выбрал укромное место, скрытое со всех сторон густой листвой.

Он и сам толком не знал, зачем ему нужно было прятаться от кого-нибудь, но он не раз читал в книгах, что настоящие следопыты устраивали свои убежища в местах, недоступных для посторонних взглядов.

Ян частенько вспоминал об инструментах, которые хранились в мастерской Рэда, но, наученный горьким опытом, не хотел посвящать брата в свои замыслы.

Самодельной лопатой он принялся рыть яму на берегу ручья. Отвердевшая глина плохо поддавалась, но Ян, проработав без усталости два свободных дня, вырыл яму в семь футов длиной и четыре шириной. Здесь он и собирался возвести хижину.

Но как сложить хижину из трех десятков стволов, если в руках лишь самодельный топор? И все же Ян не стал искать себе другого. Его ободряла мысль, что индейцы едва ли владели лучшими орудиями.

Ян начал подбирать материал, который мог пригодиться для постройки. Другие на его месте, наверное, собрали бы сперва все необходимое, но Яну не терпелось поскорей увидеть свою хижину готовой, и он сразу стал строить стены. В них нельзя было найти и двух одинаковых бревен: одни были слишком длинные, другие короче, третьи совсем кривые. Некоторые почти сгнили – ведь такие было легче срубить. Скоро Яну пришлось идти на поиски, так как

¹ *Новый Свет* – так с 1541 г. называют Американский континент.

поблизости материала больше не было. Он вспомнил, что в полумиле от городка видел груды бревен. Несколько воскресений Ян усердно перетаскивал их. Девять из них пошли на стены, а три остались для стропил. Он положил их на равном расстоянии друг от друга и прикрыл ветвями. Поверх настлал кору вяза, затем накопал глины и хорошенько обмазал всю крышу, утопав ее и подровняв по краям. Чтобы крыша не очень выделялась среди листвы, Ян разбросал по ней всякой зелени.

Наконец-то, после многих недель упорного труда, его лесное жилище было готово!

VIII. Знакомство с лесной жизнью

Пока Ян строил свою хижину, он ничего не замечал вокруг.

Теперь его занимала одна мысль – поселиться в лесу или хотя бы провести здесь несколько дней.

Ян понимал: ему надо очень много знать про лес и его обитателей, и он с жаром принялся читать книги, в которых можно было найти ответы на то, что его так волновало.

Ян сделал себе лук и стрелы. Правда, они оказались никуда не годными, и все же Ян чувствовал себя настоящим индейцем.

Обручи старой бочки пошли на железные наконечники для стрел. Эти стрелы Ян назвал «боевыми» за их устрашающий вид. Когда стрела вонзалась в дерево, он издавал победный клич.

В эти минуты мальчик воображал, что сразил свирепого врага.

Из обрывка овечьей шкуры Ян соорудил себе жалкое подобие мокасин. Старый сломанный нож, которым шпаклевали щели, он превратил в «боевое оружие» и сшил для него ножны из обрезков кожи. Несколько плиток акварельной краски и осколок зеркала, вставленный в расщепленную палку, позволяли Яну изображать на своем лице «индейскую татуировку».

Все необычное, что ему попадалось в лесу, – изогнутые сучки, перья птиц, даже старый коровий рог – он тащил в свою хижину. Ян и сам не мог бы объяснить, чем привлекали его эти вещи. Из ракушек он сделал себе «индейское» ожерелье. Часами лежал он на солнце, подставив лицо жарким лучам, и бесконечно радовался, когда родные замечали его темный загар.

Он старался во всем подражать индейцам: ходил носками внутрь, ломал ветки, обозначая свой путь, определял время по солнцу, выражал свое удивление односложными восклицаниями, которые произносил на индейский манер гортанным голосом.

Из бересты Ян мастерил разную посуду, сшивая края тонкими корешками. Доньшки он выстругивал из дерева, а щели замазывал смолой так, что посуда не пропускала воду.

Однажды во дворе своего городского дома Ян увидел странную птицу. Мальчик успел даже набросать рисунок, пока она спокойно рылась клювом в земле. Птица была пепельного цвета с золотистыми крапинками на голове и около хвоста. На крылышках белели длинные полосы. Ян перерыл все книги, которые только смог достать, но так и не нашел названия этой птицы. И только много лет спустя он узнал, что это был птенец дубоноса.

Ян рисовал по памяти многих птиц, которые ему попадались на глаза. Однажды у него возникло сомнение – рисовали ли индейцы всяких зверей? Но, вспомнив, что они украшали свои щиты и жилища изображением птиц или животных, с радостью продолжал свое любимое занятие.

IX. Следы

Как-то раз у ручья на морском песке Ян обнаружил чьи-то следы и для памяти срисовал их. Ему пришло на ум, что это следы енота, и он показал свой рисунок одному знакомому.

– Это в натуральную величину? – спросил тот Яна.

– Да.

– Пожалуй, ты прав, – сказал тот. – Похоже на лапу енота. Осмотри хорошенько все деревья около того места, где ты нашел их. Может быть, увидишь дупло, тогда огляди кору около него, и если заметишь волоски, значит, там живет енот.

При первом же удобном случае Ян отправился в свою долину. На большой липе ему повезло найти несколько клочков шерсти. Как же узнать, действительно ли они принадлежат еноту? Тут Ян вспомнил, что у одного из учеников была старая енотовая шкурка. Сравнив свою находку с ней, Ян убедился, что держал в руках клочки настоящей енотовой шерсти.

Как-то Ян заметил растение, похожее на раскрытый зонтик. Он выкопал его с корнем и на конце одного корешка увидел продолговатую белую луковичку. Ян откусил кусочек: по вкусу она напоминала свежий огурец. Просмотрев школьный учебник ботаники, Ян обнаружил в перечне растений название «индейский огурец». По описанию это вполне подходило к растению, которое он выкопал.

В другой раз Ян пожевал листья одного незнакомого растения – так, он слышал, поступали индейцы. Но очень скоро мальчик почувствовал острые боли в животе. В ужасе поспешил «индеец» домой. Мать дала ему выпить разведенной в воде горчицы, а когда убедилась, что ее сыну не грозит никакая опасность, отодрала его хорошенько за уши.

Х. Бидди

В доме у родителей Яна появилась новая служанка по имени Бидди.

Гуляя как-то с детьми, Бидди нарвала ворох трав и рассказала, что ей было о них известно:

– Это ветка сассафраса, настой его листьев помогает при болезни кожи. Кошачью мяту пьют от простуды. Вот тсуга. Из ее коры добывают розовую краску. А зеленую – из маслянистого ореха.

Ян слушал Бидди затаив дыхание, стараясь запомнить каждое ее словечко.

Ян слышал, что индейцам были известны свойства многих листьев и трав, и ему захотелось побольше узнать об этом.

ХІ. Перелом

В один из воскресных дней, наколов, как обычно, двойную порцию дров для кухни, Ян отправился в лес. Он уже подходил к своей хижине, как вдруг до него донеслись оттуда грубые громкие голоса. Ян подкрался ближе. Дверь была приоткрыта, и мальчик увидел в хижине трех бродяг. На полу валялись растоптанные ракушки, в костре около двери догорали его лук и стрелы.

Не помня себя от горя, Ян бросился в глубь леса. Как ненавидел он этих людей, осквернивших его дом! Когда два часа спустя Ян вернулся, на месте своей хижины он увидел одни развалины.

Это случилось в конце лета. Пришла осень с холодными дождями и коротким днем. Ян уже не ходил в свою долину; он много читал, прилежно учился. Но день ото дня становился все бледнее, а под Новый год совсем заболел.

ХII. Рысь

Прошла зима, и к марту Ян почувствовал себя окрепшим. Он совершал долгие прогулки и как-то солнечным днем отправился с собакой за город. Свежий воздух вливал бодрость, и Ян, сам того не замечая, избрал дорогу, ведущую в Гленьян.

Неожиданно на снегу он заметил большие странные следы. Они походили на медвежьи, но были коротковаты и глубоко проваливались в снег.

Собака обнюхала следы и не выразила никакого желания идти дальше. Но Ян все же пошел вперед. След вел мимо развалин хижины, пересекал ручей по бревну, и с каждым шагом Ян все больше убеждался, что этот след принадлежит крупной рыси. Грипп – так звали пса – умел отлично лаять, но теперь, обнюхивая след, упрямо плелся сзади и только жалобно скулил.

Ян выбрал себе дубинку и продолжал идти вперед. Они были уже в густой чаще, когда Ян вдруг услышал густой, похожий на кошачий крик: «Яу! Яу! Яу!»

Ян замер. Пес задрожал и приник к его ноге. Крик все нарастал, и неожиданно Ян увидел зверя. Это была настоящая рысь. Пес в ужасе бросился в сторону, оставив мальчика одного. Ян был безоружен, и ему ничего не оставалось делать, как последовать примеру Гриппа.

О своей встрече с рысью Ян решил рассказать Рэду. У брата было ружье, и Ян спросил его:

- Ты бы пошел на хорошую охоту?
- Еще бы!
- Я знаю одно местечко, милях в десяти от города, – там полно всякого зверья.
- Так я и поверил!
- А вот увидишь. Я тебе покажу, если не проболтаешься.
- Идет.
- Я сейчас видел там рысь, и если мы пойдем туда с ружьем, то непременно убьем ее.

Ян подробно рассказал обо всем, что с ним произошло, и мальчики решили пойти на охоту в следующее воскресенье. Ян, подражая индейцам, долго и путано вел Рэда к тому месту, где он впервые заметил следы. Но, не дойдя до тропинки, они встретили человека, продиравшегося сквозь кусты. На плече он нес убитую рысь.

Мальчики забросали охотника вопросами, и тот рассказал, что убил ее накануне. Рысей в округе не было; по-видимому, она забрела сюда случайно, пробираясь с севера.

Убитая рысь была крупным зверем. Полосы на голове и широко раскрытые желтые глаза придавали ей удивительное сходство с тигром.

Этот случай был далек от настоящего приключения, но Ян запомнил его надолго. Мальчика радовало, что он смог верно определить зверя, о котором знал лишь из самых поверхностных описаний.

Часть вторая Сэнгер

І. Новый дом

Яну исполнилось четырнадцать лет. Длинноногий, худой, он очень быстро рос, и доктор посоветовал отправить его на год в деревню.

Вот как получилось, что Ян поехал жить к Уильяму Рафтену в Сэнгер.

Мистер и миссис Рафтен встретили Яна на станции. Поужинав в таверне, они поехали домой. Там Яна провели в большую кухню, служившую одновременно и столовой, и гостиной. Оглядевшись, Ян увидел за печкой длинного, нескладного мальчишку с рыжими вихрами, темными раскосыми глазами и лицом, вероятно, самым печальным на свете.

– Сэм, иди познакомься с Яном, – сказала миссис Рафтен.

Сэм робко вышел вперед, вяло подал руку Яну и, сказав протяжно: «Здра-асьте», снова спрятался за печку, откуда украдкой разглядывал гостя.

Все занялись своими делами, и Ян, оставшись один, почувствовал себя очень несчастным.

Ян с трудом привык к мысли, что ему придется оставить школу. Он молча подчинился приказу отца. Но под конец уже сам с нетерпением ждал дня отъезда. Ведь он уезжал из Боннертона всего на год, а жизнь в деревне обещала ему много радости! Жить на вольном воздухе, среди лесов и полей – вот где его ожидало настоящее счастье.

Но теперь, когда он очутился в чужом доме, ему стало вдруг очень тоскливо. Ян кусал губы и усиленно моргал глазами, с трудом сдерживая слезы. Миссис Рафтен сразу поняла, что с ним происходит.

– Он по дому скучает, – объяснила она мужу. – Завтра успокоится.

Миссис Рафтен взяла Яна за руку и повела наверх, где ему была приготовлена постель. Минут через двадцать она снова поднялась посмотреть, хорошо ли он устроился. Подоткнув со всех сторон одеяло, она наклонилась к нему и вдруг заметила, что лицо его мокро от слез.

Миссис Рафтен прижала голову мальчика к себе и несколько раз поцеловала его.

– Не огорчайся, – сказала она, – завтра все пройдет.

Откуда взялась эта тоска и куда исчезла, Ян и сам не знал. На следующее утро он бодро вскочил с постели – его ждал новый, удивительный мир!

Уильям Рафтен был владельцем нескольких ферм и содержал их в отличном порядке. Ему пришлось немало пережить. Бесчисленные удары судьбы ожесточили его. Он был суров в обращении с людьми. Никто не смел ослушаться его. Но близкие ему люди знали, что у этого дельного, умного человека бьется горячее сердце ирландца.

Почти неграмотный, он благоговел перед ученостью и решил, что не пожалеет никаких денег, чтобы дать детям своим образование, которое, как он считал, заключалось в умении бегло читать.

Плохого отношения к животным Рафтен не терпел.

«Человек не смолчит, если его обидают, – говорил он, – а у кого найдет защиту бессловесное животное?»

В округе Рафтен был единственным фермером, который никогда не продавал и не отдавал на убой старую лошадь. «Она, бедная, трудилась всю свою жизнь и заслужила, чтобы ее кормили до последнего дня», – повторял он.

Поэтому Дункан, Джерри и другие лошади долгое время жили у него «на покое».

Миссис Рафтен, славная женщина, очень любила свой дом и семью.

У Рафтенов родилось много детей, но в живых остались только пятнадцатилетний Сэм и трехлетняя Минни.

Обязанности Яна на ферме сразу были определены – он должен был присматривать за птицей, а иногда кормить свиней и телят. Кроме того, он помогал Сэму в разной работе по дому.

Дел было много, и Рафтен требовал, чтобы мальчики усердно трудились. Зато в часы досуга им предоставлялась полная свобода.

II. Сэм

Сэм Рафтен говорил медленно, растягивая слова, и потому на первый взгляд казался глуповатым. На самом же деле это было далеко не так.

После того как мистер Рафтен познакомил Яна с домом, Сэм открыл ему все потайные уголки.

Отворив дверь в темную комнату, которая была похожа на подвал, и отыскивая на ощупь закрытое окно, Сэм сказал:

– Тут наша гостиная.

В комнате было душно и пыльно, ведь открывали ее только по воскресеньям, но здесь мальчики нашли то, что немедленно сблизило их обоих: коллекцию птичьих яиц. Яйца лежали на подстилке из отрубей в старой коробке под стеклянной крышкой. На них не было ни одного ярлычка, и настоящий коллекционер вряд ли удостоил бы их взглядом. Ян же с внезапно пробудившимся интересом и симпатией спросил:

– Любишь такие штуки?

– Еще бы! – сказал Сэм. – Я бы набрал вдвое больше, да отец не велит. Пусть, говорит, побольше птиц на ферме живет.

– А ты знаешь, какие у вас птицы водятся?

– А как же! Я тут про всех птиц в округе знаю: где они живут, как выют гнезда.

– А мне можно принести из лесу несколько яичек?

– Нет, отец сказал, что даст пострелять из ружья кроликов, если я перестану разорять гнезда.

– Здесь и кролики есть?

– Прошлой зимой я троих добыл.

– Зимой! – разочарованно протянул Ян. – А теперь?

– Теперь их не найдешь. Но я что-нибудь придумаю. Вот как закончу всю работу, попрошу у отца ружье.

«Как закончим работу» было излюбленное выражение в семье Рафтен. Они говорили это всякий раз, когда откладывали что-нибудь на неопределенное время.

Сэм открыл нижнюю дверцу буфета и вытащил оттуда несколько кремневых наконечников стрел, найденных во время пахоты на поле, челюсть бобра, пойманного еще в первые дни жизни в Сэнгере, и растрепанное чучело совы.

Увидев эти «сокровища», Ян только и смог воскликнуть:

– Вот это да!

Сэм обрадовался, что семейные ценности произвели на Яна такое впечатление.

– Это отец убил сову на гумне, – объяснил он.

Мальчики быстро подружились.

Днем, работая вместе на ферме, они поведали друг другу свои тайны. После ужина Сэм шепнул Яну:

– Что тебе сейчас покажу! Только поклянись никому не говорить.

– Клянусь! – немедленно ответил Ян.

– Пошли в сарай, – сказал Сэм.

На полдороге Сэм вдруг сказал:

– Забыл я взять кое-что. Ты иди в сад, встретимся там под старой яблоней.

Вернувшись, Сэм шепнул Яну, хотя кругом не было ни души:

– Иди за мной.

Он повел Яна в другой конец сада, к бревенчатой хижине, служившей теперь сараем, в которой они жили до того, как выстроили кирпичный дом.

Мальчики поднялись по лестнице на чердак. Там, в самом дальнем углу, Ян снова поклялся вечно хранить тайну. После этого Сэм порылся в старой коробке и извлек оттуда лук, стрелы, ржавый железный капкан, большой нож, рыболовные крючки, кремь с огнивом, коробку спичек и какой-то грязный, похожий на сало кусок, который, по словам Сэма, был сушеным мясом.

– Понимаешь, – сказал он, – я всегда хотел быть охотником. А отец говорит, что я должен стать зубным врачом, потому что охотой много не заработаешь. Но я все равно хочу быть охотником! Как-то отец выпорол меня и Бада. Это мой брат, он умер в прошлом году. Ну вот, отец выпорол нас за то, что мы с Бадом не накормили свиней. И тогда Бад надумал бежать к индейцам, и я тоже хотел удрать вместе с ним. Но Бад хотел взять отцовское ружье, а я сказал, что это будет воровством. Мы даже с ним подрались, но потом я сказал ему: «А вдруг с нас скальпы снимут? Мне мои волосы еще не надоели. В конце концов, отец нас не убил». И мы с Бадом были сами виноваты – ведь одна свинья даже сдохла с голоду. Так мы и остались дома, хотя я больше всего на свете хотел стать охотником.

Ян выслушал друга и в свою очередь рассказал, как построил в лесу хижину, как любил играть там и как ее разорили бродяги.

– Твой отец не будет сердиться, если мы построим хижину в лесу? – спросил Ян.

– Ну что ты! Только сначала сделаем всю работу.

III. Вигвам

На следующий день они решили взяться за постройку. Закончив работу на ферме, мальчики пошли в лес выбирать подходящее место. Небольшой ручей, который они важно называли рекой, протекал по лугу и, пробившись сквозь живую изгородь, продолжал свой бег в лесу. Углубляясь в чащу, ручеек подбирался к болоту, поросшему кедром, где уже не было тропинок. Сэм сказал, что дальше, за болотом, хороший бугор. Шли туда долго, в обход, но зато место оказалось действительно превосходное: высокое, сухое. Ян был в восторге. Сэм тут же вынул топор и хотел приняться за работу, но Ян, который все утро мечтал об этой минуте, сказал:

– Сэм, давай играть в индейцев.

– Это еще зачем? – удивился Сэм.

– Чего только индейцы не умеют делать! Разве белый охотник заметит след ноги в мокасине на гранитной скале? Он побоится идти в лес с одним только ножом. А лодку из березовой коры ему ни за что не сделать... Послушай, Сэм, – продолжал Ян, – ведь мы же хотим быть настоящими охотниками! Так давай станем индейцами и будем все делать, как они.

В конце концов предложение Яна показалось Сэму заманчивым, и он согласился «чутьочку поиграть в индейцев».

– Но индейцы не живут в хижинах! – не успокаивался Ян. – Нам надо строить типи!

– Пожалуй, это было бы очень неплохо, – сказал Сэм, который не раз видел типи на картинках, – но из чего строить?

– Индейцы, которые живут на равнине, делают типи из шкур животных, – уверенно объяснил Ян, – а лесные индейцы – из березовой коры.

– Но у нас хватит березовой коры на типи для бурундука, не больше!

– Ну, сделаем из коры вяза, – тут же нашелся Ян.

– Это уже лучше, – сказал Сэм. – Прошлой зимой мы срубили много вязов, и с них нетрудно содрать кору. Но сперва давай начертим план.

Об этом Ян и не подумал, но Сэм был приучен работать иначе.

Ян стал припоминать, какие жилища индейцев он видел на картинках.

– Кажется, типи была такой формы. – Ян нацарапал изображение индейской палатки на гладком стволе. – Здесь торчали шесты, тут, наверху, было отверстие для дыма, а внизу – вход, что-то вроде двери...

– Похоже, ты никогда не видел ни одной типи, – снисходительно заметил Сэм. – Можно попробовать. Какого же она будет размера?

Было решено сделать типи высотой и шириной в восемь футов.

Через несколько минут Сэм срезал четыре длинных шеста, и Ян тут же отнес их на выбранное место чуть выше по реке.

– А чем мы их свяжем? – спросил Ян.

– Веревками, чем же еще?

– Раз мы живем в лесу, то и все должны брать из лесу. Настоящей веревкой нельзя.

– Придумал! – вдруг обрадовался Сэм. – Когда отец делал изгородь вокруг сада, он связывал шесты ивовой лозой.

Через несколько минут они старательно перевязывали шесты упругими ивовыми прутьями. Но это оказалось нелегко: скользкие прутья то и дело соскакивали и падали на землю. Мальчики совсем растерялись и подумывали уже, не скрепить ли шесты травяным жгутом, когда неожиданно сзади кто-то насмешливо фыркнул. Ян и Сэм обернулись. Заложив руки за спину, совсем рядом стоял мистер Рафтен. Похоже было, что он давно наблюдал за ними.

Мальчики опешили. У мистера Рафтена была особенность вырастать словно из-под земли там, где что-нибудь затевалось. И если затея была ему не по душе, он едко высмеивал ее. Мальчики с нетерпением ждали, как отнесется Рафтен к их строительству. Если б они занимались этим в рабочее время, нетрудно догадаться, как посмотрел бы на это хозяин фермы, но теперь ребята были свободны, и Рафтен, испытующе оглядев мальчиков, медленно сказал:

– Эй, ребята!

У Сэма отлегло от сердца: начало было неплохое.

– Зачем вы попусту тратите время и возитесь с ивовыми прутьями? Ими шестов не свяжешь. Возьми бы лучше веревку из сарая.

Мальчики вздохнули с облегчением, но даже это мирное и дружеское вступление могло обернуться потом хорошей взбучкой. Поэтому Сэм выжидающе молчал. Но Ян пояснил:

– Мы играем в индейцев и можем пользоваться только тем, что растет в лесу.

– А кто ж вам запрещает? – спросил Рафтен.

– Тогда будет не по правилам.

– Ах вот в чем дело, – удивленно проговорил Рафтен. – Теперь понятно.

Он внимательно огляделся вокруг и, подойдя к низкому кустарнику, спросил:

– Ты знаешь, что это такое, Ян?

– Нет, сэр, – произнес мальчик.

Ян напрасно гнул ветку с тонкой блестящей кожицей, она никак не поддавалась.

– Это кожаное дерево, – сказал Рафтен. – Им и пользуются индейцы. В первое время мы тоже брали его вместо веревок.

– Видишь, – сказал Сэм с довольной улыбкой, когда Рафтен ушел, – отец не сердится, если работа сделана. И как же я сам об этом дереве не вспомнил! Ведь мне говорили, что в старое время, когда веревок было мало, вещи вязали этими прутьями. А индейцы, я слышал, вязали ими своих пленников.

Мальчики нарезали прутьев, скрепили ими шесты наверху, и каркас типи был готов. Посоветовавшись, они перевязали его прутьями кожного дерева. Для большей устойчивости мальчики прикрепили к обручу четыре коротких шеста, воткнув их концами в землю. Теперь остов типи можно было обшивать корой.

Мальчики пошли к старым вязам, срубленным прошлой зимой, и снова Сэм показал, как он умело орудует топором. Он надсек кору на стволе сверху вниз, поддел ее топором, вбил несколько клиньев и осторожно снял большой кусок. С трех кряжей они добыли много коры.

Сэм предложил прибить ее гвоздями к подпоркам, но это привело Яна в ужас: ведь индейцы никогда не пользовались гвоздями!

– Ну а чем же, по-твоему, они прибивали? – спросил Сэм.

– Они вязали ремнями и... и... может, делали деревянные гвозди.

– Но ведь у нас подпорки из твердого дерева. В сосну вобьешь только дубовые гвозди, и то надо заранее просверлить дырки в шестах, иначе ничего не получится. Я сбегая домой за буравчиком.

– Ну, Сэм, это все равно что нанять плотника! Давай играть по-настоящему. Придумаем что-нибудь. Может, скрепить их прутьями кожного дерева?

Сэм вытесал острый дубовый колышек, а Ян проколол им кору по краям, пропустил сквозь эти дырочки прутья кожного дерева, и покрытие для вигвама было готово. Но когда мальчики вошли внутрь, они с огорчением заметили, что стены светятся дырками. Заделать их все было невозможно, потому что кора трескалась во многих местах. Мальчики заткнули только самые большие щели. Теперь им предстояла самая важная и таинственная церемония – развести костер в вигваме.

Они собрали кучу сухого хвороста, и Ян достал спички.

– Что это ты! – удержал его Сэм. – Разве у индейцев есть спички?

– Правда... – смутился Ян. – Но у меня нет ни кремня, ни огнива. А как добыть огонь трением, я не знаю. Неужели мы из-за этого останемся без костра?

– Нет, огонь у нас будет! – уверенно сказал Сэм. – Доставай свои спички. Вигвам без костра – то же, что старое птичье гнездо или дом без крыши.

Ян чиркнул спичкой и поднес ее к хворосту. Но спичка погасла, вторая и третья тоже.

– Смотрю, ты не очень-то умеешь зажигать костер! Дай-ка я тебе покажу. Пусть белый охотник поучит индейца, как жить в лесу, – хитро улыбнулся Сэм.

Сэм наколот топором тонкие лучинки от сухого соснового корня и на концах каждой настругал пучок стружек.

– Верно! – обрадовался Ян. – Я видел на картинке индейца с такой палочкой.

Сэм зажег спичку, и через минуту в вигваме весело затрещал огонь.

– Это бабушка Невилль научила меня. Она все-все про лес знает.

– Кто такая бабушка Невилль? – спросил Ян.

– Старая колдунья. Она живет в домике у излучины реки.

– А нет ли у нее внучки Бидди? – Ян неожиданно вспомнил, что у него была подруга родом из Сэнгера.

– Конечно! – воскликнул Сэм. – Бидди – она молодчина: здоровая, сильная. Умеет делать все.

Устроившись на подстилке из еловых веток, Ян сказал:

– До чего ж хорошо!

– Мы как настоящие индейцы! – ответил Сэм. Он сидел по другую сторону костра. – Послушай, Ян, – вдруг добавил он, – не подкладывай больше веток, здесь очень жарко, и потом, что-то неладно с трубой. Может, засорилась...

Костер горел ярко, а дыму все прибавлялось. Маленькое отверстие наверху дым, наверное, принял за ошибку и упрямо не желал покидать через него вигвам. Он выбивался во все

щели, вырываясь из двери клубами, но большая часть дыма, казалось, была вполне довольна вигвамом, и через несколько минут дым выкурил оттуда обоих индейцев. Из глаз у них лились слезы, и настроение совсем упало.

– Похоже, – заметил Сэм, – что мы перепутали отверстия. Видно, дверь надо было сделать вверху, раз дым только и хочет выходить через нее.

– У индейцев тяга хорошая, – сказал Ян, – и белый охотник должен знать, как это делается.

– Может, нам закрыть дверь, тогда дым поневоле потянется в трубу? – предложил Сэм.

Так и сделали. Сначала дым повалил вверх, но потом снова стал набиваться в вигваме.

– Будто выползает из щелей, а труба его обратно всасывает! – огорчился Ян.

События оборачивались очень печально. Им так хотелось посидеть в вигваме около костра! Но мечта рушилась: дым невыносимо щипал глаза.

– Может, лучше построить хижину? – предложил Сэм.

– Нет, – сказал Ян, – у индейцев получается, выйдет и у нас. Надо только разобраться как следует.

Все их попытки что-нибудь исправить ни к чему не привели. Вигвам по-прежнему наполнился дымом. Кроме того, внутри было тесно и неудобно, ветер проникал во все щели, которых становилось все больше, потому что кора вяза высыхала и трескалась.

Как-то в лесу их застал проливной дождь. Мальчики хотели укрыться от него в своем унылом жилище, но потоки воды хлынули через дымовое отверстие, в щели и трещины.

– Да тут льет сильнее, чем снаружи! – сказал Сэм, выбегая из вигвама.

Ночью разразилась сильная гроза, и на следующий день мальчики нашли на месте своего вигвама только груды коры и палок.

Однажды за столом Рафтен, как обычно сурово, спросил мальчиков:

– Ну что, построили вигвам?

– Его буря снесла, – ответил Сэм.

– Как же так?

– Не знаю. И сидеть там нельзя было – дыму набиралось полный вигвам.

– Плохо сделали, – сказал Рафтен и вдруг с интересом, который говорил о том, с какой радостью Рафтен присоединился бы к этой игре лет сорок назад, добавил: – Почему вы не сделали настоящую типи?

– А мы не знаем как, да и не из чего.

– Ладно. Работали вы хорошо, и я отдам вам за это старую покрышку с фургона. Кузен Берг помог бы вам, будь он здесь. Может, Калеб Кларк знает? – сказал он, подмигнув одним глазом. – Спросите-ка его.

– А можно нам пойти к Калебу, отец?

– Как хотите, – ответил Рафтен.

Рафтен никогда не говорил впустую, и Сэм это знал. Поэтому, когда он ушел, ребята достали старую покрышку от фургона. Развернув ее, они увидели, что это большой кусок брезента. Мальчики спрятали его в сарае, который был отдан в их распоряжение, и Сэм сказал:

– Я бы прямо сейчас пошел к Калебу. Он наверняка лучше других знает, как строить типи.

– А кто такой Калеб? – спросил Ян.

– Да это старый Билли. Он однажды стрелял в отца, после того как отец обхитрил его на лошадиной ярмарке. Он чужак, этот Калеб. Долго был охотником и хорошо знает лес. Ну и влетит мне, если он догадается, чей я сын! Ладно, как-нибудь его проведем.

IV. Бабушка Невилль

Мальчики отправились к Калебу. Идти надо было вдоль ручья. Дойдя до излучины, они увидели маленькую бревенчатую хижину, перед которой копошились куры и разгуливала свинья.

– Здесь живет колдунья, – сказал Сэм.

– Бабушка Невилль?

– Да. Ну и любит же она меня! Как старая курица – ястреба.

– А за что?

– Наверное, за свиней. Но началось, пожалуй, с деревьев. Отец срубил много вязов, а она очень любила смотреть на них из хижины. Потом история со свиньями. Как-то ей пришлось туго зимой. Она пришла к отцу, и он купил у нее за семь долларов обеих свиней. Дома он сказал матери: «Похоже, у старухи плохи дела, отнеси ей в следующую субботу два мешка муки, картофеля и свинины». В общем, мама отнесла ей всякого добра долларов на пятнадцать. Старуха молчала, пока мама не сложила все в погреб, а потом накинулась на нее: «Мне не нужны ваши подачки!» Она разозлилась на нас, когда отец купил ее свиней, но совсем рассвирепела, когда получила в подарок припасы.

– И не стыдно ей! – сказал Ян, сочувствуя Сэму.

– Нет, ты зря, – возразил Сэм. – Она просто чудачка. Если сумеет, ни за что не даст срубить дерево. Весной бродит часами по лесу, садится около цветов и что-то шепчет им. И птиц тоже любит. Каждую зиму сама чуть с голоду не помирает – все птицам скармливает, которые слетаются к ее домику. Многие даже на руку к ней идут. Отец говорит, что птицы принимают ее руки за старые сосновые корни, а по-моему, она просто умеет их приласкать. Стоит на морозе не шевелясь и все приговаривает: «Милые вы мои...» Видишь наверху окошко? – спросил Сэм, когда они приблизились к домику бабушки Невилль. – Это чердак. Там у нее хранятся запасы всяких трав.

– Для чего?

– Лечит ими.

– Да, вспомнил! Бидди говорила, что ее бабушка лечит травами. «Травяной доктор» – называла она ее.

– Доктор? Она ничуть не доктор. Просто знает в лесу каждую травинку. На чердаке трава лежит целый год, на ней спит кошка, вот от этого, наверное, трава и становится целебной.

– Мне бы хотелось посмотреть на нее, – сказал Ян.

– Я думаю, можно.

– А тебя она знает?

– Знает, – ответил Сэм. – Но я немножко схитрю. Больше всего на свете она любит больных. Сейчас сам увидишь.

Сэм закатал рукава, с пристрастием оглядел свои локти, но, видимо, безуспешно. Затем он стал пристально разглядывать ноги. Конечно, у мальчишек всегда полно царапин и ссадин. Сэм выбрал лучшую из них – под коленкой большую царапину от гвоздя. Свинцовым карандашом он изобразил вокруг омертвевшую кожу, кожей неспелого ореха добавил неприятный коричневатый-желтый оттенок, и в результате получилось страшное, болезненного вида пятно. Пожевав какую-то траву, он выплюнул желто-зеленую жижу на платок и обвязал им свою «рану». Подняв с земли палку, Сэм заковылял к хижине. Когда мальчики были совсем близко, приоткрытая дверь с треском захлопнулась. Ничуть не испугавшись, Сэм подмигнул Яну и постучал. В ответ донесся лай маленькой собачонки. Сэм стукнул еще раз. За дверью послышался шорох, и снова все смолкло. В третий раз на стук Сэма в хижине кто-то пронзительно крикнул:

– Убирайтесь отсюда!

Сэм ухмыльнулся, а потом, растягивая больше обычного слова, сказал:

– Помогите бедному мальчику, бабушка! Доктора ничего не могут ему сделать.

Кстати, в последнем он был прав: чем мог доктор помочь здоровому мальчику?

Ответа не последовало, но Сэм решился открыть дверь.

В комнате перед печью, поблескивая покрасневшими глазами, сидела старуха с трубкой во рту. На коленях она держала кошку, а у ног сидела собачонка, которая сердито зарычала на чужих.

– Ты ведь Сэм Рафтен? – свирепо сказала старуха.

– Да, бабушка, – ответил Сэм. – Я наткнулся на гвоздь в заборе. Говорят, так кровь отравить можно. – Сэм постанывал немножко, охал и морщился.

Слово «убирайтесь» было забыто. Доброе сердце старухи прониклось сочувствием к пострадавшему. Ей было даже приятно, что недруг так смиренно просит ее о помощи.

– Давай погляжу, – буркнула она.

Пока Сэм, охая, пытался развязать отвратительные тряпки, обмотанные вокруг колена, в комнату вошла Бидди.

Она и Ян тут же узнали друг друга. Встреча их была очень теплой, и Бидди сразу же засыпала Яна вопросами.

– Помнишь, я говорила тебе о бабушке, – сказала Бидди, – вот она. Бабушка, знакомься, это Ян. Я работала у его мамы. Верно ведь, Ян? А бабушка расскажет тебе про травы. Она это хорошо знает.

Сэм снова громко охнул, и все повернулись в его сторону.

– Это, кажется, Сэм Рафтен? – холодно сказала Бидди.

– Да, – кивнула бабушка, – он смертельно болен. Доктора отказались лечить его, и он пришел ко мне.

Словно в подтверждение ее слов, Сэм опять громко застонал.

– Дай ножницы, Бидди. Придется разрезать штанину.

– Нет, нет! – с неожиданной силой заговорил Сэм, с ужасом думая о том, как ему за это попадет дома. – Я могу закатать ее.

– Ну хорошо. Хватит так, – сказала старуха. – Да, да, тут у тебя дикое мясо. Я вырежу его. – И она стала рыться в карманах.

Сэм сообразил, что она ищет нож, и уже был готов ринуться к двери.

Но старуха вдруг передумала:

– Или лучше дам тебе кое-что выпить.

Ян и Сэм с облегчением вздохнули.

– Вот. – Старуха протянула Сэму жестяную кружку с водой, куда она всыпала порошок из сухих толченых листьев.

Сэм выпил.

– Возьми эти ветки с собой и прокипяти их в двух галлонах² воды. Пей настоем каждый час по стакану. Потом два раза в день прикладывай к больному месту разрубленного цыпленка. И все у тебя пройдет. Только запомни: дважды в день свежего цыпленка.

– Может, индюшонка лучше? – простонал слабо Сэм. – Мама очень любит меня и денег не пожалеет.

Сэм фыркнул: видно, смертельная опасность миновала.

– Что это за растение, бабушка? – спросил Ян, старательно избегая взгляда Сэма.

– Лесное.

– А как оно называется? И на что похоже?

² Галлон – единица емкости в США, равная примерно 3,7 л.

– Само на себя похоже, а называется лещиной.
– Я как-нибудь покажу тебе, – сказала Бидди.
– Нам пора домой, – негромко вставил Сэм, – я чувствую себя лучше. Где моя палка?
Вот, Ян, неси мое лекарство. Только осторожней.
Ян взял пучок веток. Бабушка просила заходить к ней и проводила их до двери.
– Да, постойте! – вдруг сказала она.
И, подойдя к единственной кровати, отвернула простыни, под которыми оказалась груда румяных яблок. Она вынула два самых лучших и протянула мальчикам.
– Я прячу их там от свиней. Таких хороших яблок у меня еще никогда не было.
– Еще бы! – прошептал Сэм тихо, чтобы не услышала старуха. – Ее сын Ларри выкопал эти яблони у нас в саду прошлой осенью. Это единственный зимний сорт. Только они сейчас нагрелись в постели.
– До свидания, – сказал Ян. – Большое вам спасибо!
– Мне лучше, – вздохнул Сэм. – Не тянет больше. Теперь мне другого лекарства не нужно.
Выйдя из дома, Сэм хотел тут же забросить палку подальше, но Ян уговорил его хотя бы немного поволочить ногу, пока они не скроются из виду. К слову сказать, старуха сразу заметила перемену в походке Сэма и подозвала Бидди убедиться в том, как быстро помогли ее средства молодому Рафтену, когда «доктора уже совсем отказались от него».
– Теперь к Калебу Кларку! – сказал Сэм.
– Ты здорово шагаешь для хромого мальчика, которого отказались лечить врачи, – сказал Ян.
– Верно, это дикое мясо меня подгоняет.
– Давай спрячем ветки куда-нибудь, пока не вернемся, – сказал Ян, протягивая пучок лещины.
– Я-то их спрячу, – сказал Сэм и швырнул ветки прямо в реку.
– Зачем ты? Может, они бабушке Невилль нужны?
– Этому старому венику там и место. Хватит с меня, что я выпил того пойла. От него здорово несло кошкой.
Ян промолчал, но остался недоволен. Он считал невежливым выкидывать ветки так близко от дома старухи. И к тому же ему хотелось узнать, может ли оказать лещина какое-нибудь действие.

V. Калёб

В миле от этого места стояла хижина Калеба Кларка. Когда мальчики подошли поближе, они увидели, как высокий сутулый человек с длинной белой бородой вошел в дом, неся охапку дров.
– Видал старика? – спросил Сэм. – Пожалуй, начать разговор лучше тебе. С ним столкнуться не так легко, как со старухой, и потом, он тоже сердит на отца.
Ян нерешительно шагнул вперед и постучался в приоткрытую дверь. Из хижины донесся глухой лай собаки, и на пороге появился седобородый хозяин.
– Что вам надо? – спросил он.
– Вы мистер Кларк?
– Да. – И, обернувшись к рыжевато-черной гончей, сказал: – Молчать, Турок!
– Я пришел... мы хотели спросить у вас кое-что, если вы позволите.
– Зовут тебя как?
– Ян.
– А другой кто?
– Товарищ мой, Сэм.

– Мое имя Сэм Хорн, – сказал Сэм, и в этом была доля правды, так как полное имя его было Сэмюэль Хорн Рафтен. Но эта небольшая хитрость, на которую он пошел, смутила Яна.

– Откуда ты?

– Из Боннертона, – ответил Ян.

– Сегодня оттуда? – недоверчиво спросил Кaleb.

– Нет, но... – начал Ян.

И тут Сэм, который держался поодаль, чтобы Кaleb не узнал его, испугался, как бы его доверчивый друг не проговорился.

– Видите ли, мистер Кларк, – вмешался он, – мы остановились в лесу и хотели поставить себе типи, чтобы жить в ней. У нас есть материал, и нам сказали, что вы знаете, как это сделать.

– Кто сказал вам?

– Бабушка Невилль. Она живет у реки.

– А где вы живете теперь?

– Понимаете, – снова поторопился опередить своего друга Сэм, – мы уже построили в лесу вигвам из коры, но он получился плохой.

– В чьих лесах?

– В миле отсюда, у реки.

– Так, так. Это в лесу Рафтена или у Бернса.

– Да, наверное.

– А ты удивительно похож на Сэма Рафтена! – вдруг крикнул Кaleb. – Негодный мальчишка! Пришел и хочешь одурачить меня? Вон отсюда!

Ян покраснел и шагнул назад. Его товарищ, прикусив язык, последовал за ним, но Сэм был сыном своего отца и поэтому, повернувшись к Кларку, сказал:

– Послушайте, мистер Кларк, я вам скажу всю правду: мы пришли сюда, чтобы вы объяснили нам простые вещи. Только вы один умеете строить типи. Я знал, что вы сердитесь на отца, поэтому схитрил немножко. Лучше было прийти и честно сказать: «Я сын Рафтена. Помогите мне». Я не думал, что вы так рассердитесь на меня и моего друга.

Между любителями леса издавна существует взаимная симпатия. Каждый из них готов поделиться своими знаниями с тем, кто захочет узнать о лесе побольше. У старого Калеба, угрюмого и раздраженного всякими невзгодами, было доброе сердце. Он вдруг позвал Яна и спросил его:

– Ты тоже Рафтен?

– Нет, сэр.

– Родственник их?

– Нет, сэр.

– Что ты хотел спросить у меня, мальчик?

– Мы построили вигвам из коры, но он никуда не годится. Теперь у нас есть брезент для типи, но как ее сделать – мы не знаем.

– Ах, типи. Вот оно что... – сказал Кaleb задумчиво.

– Нам говорили, что у вас была когда-то типи, – отважился добавить Ян.

– Да, лет сорок назад. Но одно дело носить платье, а другое – сшить его. Кажется, она была устроена так... – И Кaleb принялся рисовать угольком на куске оберточной бумаги. – Подождите-ка... Ага, припоминаю. Видел однажды, как индейские женщины делали типи. Сперва они сшили шкуры. Потом расстелили их на лугу. В середине верхнего края воткнули колышек. К нему привязали веревку с углем на конце и очертили полукруг на шкуре. По этой линии отрезали шкуру ножом, а из кусочков сделали два клапана и пришили их. Эти отверстия для дыма улучшают тягу. Вот и все. Думаю, что для типи в десять футов нужны десять шестов и еще два для дымовых клапанов. Сначала свяжешь вместе три шеста и воткнешь их в землю. К ним приставишь остальные, кроме одного, и перевяжешь покрепче веревками. К последнему шесту

прикрепишь коротким ремешком брезент и приладишь его на место. Покроешь шесты брезентом и соединишь его края маленькими деревянными колышками. Два длинных шеста вставляются в дымовые клапаны. Ими будешь приспосабливать отдушину к направлению ветра.

Калев все время обращался к одному Яну, как бы не замечая стоявшего подле Сэма, но того, как и его отца, мало что смущало. Он предвидел еще много трудностей и поэтому решился задать Калебу вопрос:

– Как закрепить типи, чтобы ее не сорвало ветром?

– Сделаешь так, – начал Калев, по-прежнему обращаясь к Яну, – конец длинной веревки, которой ты обвязал вверху шесты,крепишь у столбика, врытого в землю, он послужит чем-то вроде якоря. Не забудь все края брезента прибить колышками к земле.

– Как устраивают дымовую тягу? – снова спросил Сэм.

– Раскачиваешь шестами клапаны, пока они не встанут по ветру.

– А как закрыть дверь?

– У некоторых типи края крыши просто заходят один на другой. Но в хороших типи делают дверь из того же материала, что и крышка, натягивают его на раму из гибкого дерева и прикрепляют шнуром к шесту.

Похоже было, что Калев окончил свой рассказ. Ян бережно сложил замусоленную бумагу, спрятал в карман и сказал:

– Спасибо!

Калев не ответил ни слова, но, когда мальчики собрались уходить, сказал вслед:

– Где вы остановились?

– На холме у реки, в болотах Рафтена.

– Может, приду посмотреть, – добавил Калев.

– Приходите! – отозвался Сэм. – Держитесь меченой тропинки от живой изгороди.

– Зачем ты говоришь неправду, Сэм? – спросил Ян, когда Калев уже не мог их слышать. – Ведь там нет никакой меченой тропинки!

– А я думал, так лучше, – спокойно ответил Сэм. – И потом, если хочешь, сделаем метки до прихода старика.

VI. Постройка типи

Рафтен был очень доволен, узнав, что мальчики все-таки ходили к Калебу и расспросили его обо всем.

– Старый Калев не так уж разбирается в устройстве типи, как я думал, – сказал Сэм.

– А по-моему, теперь мы спокойно можем взяться за постройку, – сказал Ян.

Мальчики разостлали на полу крышку фургона, положили несколько камней по ее краям и даже вбили пару гвоздиков, чтобы она не двигалась с места. Но тут они страшно огорчились, увидав, что крышка оказалась старой и разодранной.

– Теперь понятно, почему отец ее нам отдал, – сказал Сэм. – Пожалуй, ее надо сперва залатать.

– Нет, – сказал Ян властным тоном, как он говорил всегда, когда дело касалось лесной жизни, – лучше сначала раскроим, чтобы не чинить места, которые потом обрежем.

– Ты голова! Только заплаты не очень-то украсят типи.

– Ничего, – ответил Ян, – у индейцев тоже много заплат на типи в местах, где их пробивают пули и стрелы.

– Я очень рад, что не сидел в типи во время всех сражений, – сказал Сэм, указывая на многочисленные дырки.

– Отойди и дай-ка лучше мне веревку.

– Осторожней! – сказал Сэм. – У меня болит колено. Беспокоит так же, как в тот день, когда ходили к старой колдунье.

Ян не слушал его.

– Давай посмотрим, – сказал он, – может, мы обрежем все лохмотья и выкроим двенадцатифутовую типичку. Двенадцать футов высотой – это значит двадцать четыре в диаметре. Здорово! Ну, я отмерю.

– погоди, – остановил его Сэм. – Калев сказал, что индейцы отмечают головешкой; ты не имеешь права чертить мелом, тогда уж плотника зови, – съязвил он.

– Ладно. Иди за головешкой, а если не найдешь, принеси ножницы.

Заглядывая поминутно в план Калеба, мальчики вырезали покрывало – это оказалось совсем не трудным делом. Затем они принялись чинить дыры: взяли иглы, бечевку, но, хотя они и делали длиннющие стежки, работа подвигалась очень медленно. Сэм отпускал всякие шуточки по поводу каждого куска, который он сшивал. Ян работал сосредоточенно и молча. Сперва у Сэма стежки выходили ровнее, но мало-помалу Ян приловчился и стал шить даже лучше своего друга.

В тот вечер мальчики показали свою работу Си Ли. Он второй год работал у Рафтена на ферме. Посмотрев на покрывало с плохо скрытой равнодушной усмешкой, Си Ли сказал:

– Почему изнутри не залатали?

– Не догадались, – ответил Ян.

– Мы сами будем жить внутри, пусть у нас там будет красиво, – нашелся Сэм.

– Эту заплатку можно пришить четырьмя стежками, а не десятью, как у вас. – Си показал на большие, неуклюжие стежки. – По-моему, это пустая трата времени.

– Ну ладно! – не удержался Сэм. – Если тебе не нравится наша работа, посмотрим, как сделаешь ее ты! Шитья всем хватит.

– А где зашивать?

– Спроси Яна. Он тут главный. Старый Калев не хотел и говорить со мной. У меня чуть сердце не лопнуло от горя. Всю дорогу домой я ревел, верно, Ян?

– Надо пришить и подрубить дымовые клапаны, на их концах сделать карманы и... и... пожалуй, – робко прибавил Ян, – было бы лучше подрубить все края.

– Вот что: я все сделаю, – сказал Си, – если вы сходите сегодня к сапожнику и возьмете мои сапоги.

– Идет! – согласился Ян. – И знаешь что, Си? Все равно, какая сторона покрывала будет снаружи. Можно заплатки и внутрь поставить.

Мальчики взяли деньги, чтобы уплатить за сапоги, и после ужина отправились к сапожнику.

ВII. Тихий вечер

Был тихий июньский вечер, на все голоса заливались птицы.

Когда мальчики вышли из своего сада, в небе показался ястреб. При виде парящего хищника птицы умолкли. Многие из них успели скрыться, лишь один жаворонок тщетно пытался спастись в открытом поле. Ястреб ринулся за ним. Еще миг – и хищник схватил бы перепуганного певца, но тут с яблони сорвалась небольшая черно-белая птица.

Издав пронзительный боевой клич, взъерошив на голове перышки, из-под которых, словно боевое знамя, заалели нижние, огненные, она дерзко ринулась на ястреба.

«Клик-клик-клик! – разнесся ее яростный вопль. – Клик-клик-клик!»

Птица черно-белой стрелой вонзилась ястребу между крыльями как раз в ту минуту, когда отчаявшийся жаворонок припал к земле и спрятал голову, ожидая смертельного удара. Ястреб заметался в ужасе от неожиданного нападения. И вдруг, вскинувшись подобно дикому

коню, он сбросил пустельгу и скрылся в лесной чаще, а пустельга вернулась назад, изредка испуская громкий клич, наверное извещаая друзей о своей победе.

– Ну и молодец! – сказал Сэм с искренним восторгом.

Это вывело Яна из оцепенения. Восхищенный бесстрашной птицей, мальчик был погружен в глубокое молчание.

Впереди на дороге прыгал воробей. Когда Сэм и Ян нагоняли его, он взлетал, мелькая белыми перышками на хвосте, и снова садился впереди мальчиков.

– Это трясогузка, – заметил Сэм.

– Нет, воробей! – сказал Ян, удивившись, что тот ошибся.

– Может быть, – не стал спорить Сэм.

– А говорил, что знаешь всех птиц в округе! – вспомнил Ян их первый разговор.

– Я просто похвастался. Хотел, чтобы ты считал меня необыкновенным парнем, – сознался Сэм. – Ты ведь так и думал сначала.

Дятел в красной шапке, гоняясь за лимонницей, уселся на забор и оглядывал мальчиков. Лучи заходящего солнца на ярком оперении дятла, сиреневая изгородь и желтая бабочка – все это пышное сочетание красок очень нравилось Яну.

Солнце село, но в этот необыкновенно тихий и теплый вечер откуда-то с вяза долго еще лилась звонкая песня малиновки.

– Я бы остался здесь навсегда, – сказал Ян и слегка вздрогнул, вспомнив, с какой неохотой он ехал в Сэнгер.

Мальчики в молчании шли по дороге, каждый погруженный в свои мысли.

Сапоги были готовы. Сэм перекинул их через плечо, и мальчики тронулись в обратный путь.

И тут над их головами раздалось громкое, но нежное «гу-ху-ху-ху», словно где-то в вышине ворковал огромный голубь. Мальчики остановились, и Сэм шепнул:

– Большая сова.

Сердце Яна затрепетало от радости. Он много читал об этих птицах, даже видел живых в клетке, но здесь он впервые услышал крик настоящей совы.

Было уже совсем темно, но отовсюду неслись звуки: лесная жизнь шла своим чередом. В чаще тянул свою песню козодой, квакали лягушки, с заболоченного озера докатился странный крик, напоминавший смех.

Вдруг в лесу раздалось громкое, пронзительное: «Уа-уа-уа-уа-уа!»

– Слышал? – воскликнул Сэм.

И снова, на этот раз гораздо ближе, прокатился дрожащий звук, резкий, непохожий на птичьи голоса.

– Енот, – прошептал Сэм. – Вот уберут хлеба, придем сюда поохотиться.

– Здорово! – обрадовался Ян. – Как жаль, что нельзя сейчас! Я никогда не охотился на енотов, да и вообще ни разу не был на охоте. А зачем ждать до осени?

– Сейчас не найти их. А тогда только скажешь: «Я и моя собака встретим енота у ближнего амбара», – и вот посмотришь, так оно и получится.

– Но они ведь совсем рядом! Слушай, еще один!

– Вот и ошибаешься! – сказал Сэм. – Даже охотники путают. Сейчас кричала сова-сипуха. Ее голос мягче, чем у енота, и свистящий...

Ян тут же понял, каким неистовым казался крик енота по сравнению с нежным, мелодичным звуком.

Когда мальчики подошли ближе к дереву, откуда кричала сова, что-то серое бесшумно пролетело над их головами, на миг заслонив собой звездное небо.

– Вот она! – прошептал Сэм. – Сипуха! И совсем она не сипит, верно ведь?

– Вот бы поохотиться на енота! – снова сказал Ян.

– Можно попробовать, если тебе так хочется, – ответил Сэм. – А животных я знаю больше, чем птиц, – продолжал он. – Попрошу отца как-нибудь пойти вместе с нами. Может, мы нападём на след оленя, если уйти отсюда миль за десять, на дальнее болото. Жалко, что отец поссорился с Калебом, – он-то все места знает! Его старая гончая поймала столько енотов, что и не сосчитаешь!

– Ну, если это во всей округе единственная собака, которая ловит енотов, я берусь ее достать! – заявил Ян.

– Верю! – восхищенно сказал Сэм.

Было десять часов, когда мальчики вернулись домой. Все спали, кроме мистера Рафтена. На следующее утро, придя в сарай, мальчики увидели, что Си Ли пришил дымовые клапаны, переделал самые неудачные заплатки и подрубил весь низ крыши.

Мальчики сразу отнесли крышку в лес. Когда они подходили к кустарнику, стоявшему стеной около реки, Ян сказал:

– Давай оставим метки на дороге для Калеба.

– Ладно. Делай зарубки на деревьях через каждые несколько ярдов.

– Так? – спросил Ян, надрубив ствол в трех местах.

– Нет, – покачал головой Сэм, – это получилась «метка охотника» для капканов, а «метка дороги» делается на обеих сторонах дерева. Тогда ее увидишь и при возвращении. А если этой тропой ходят ночью, зарубки надо сделать поглубже.

VIII. Священный огонь

– «Десять крепких шестов и два длинных тонких», – читал Ян вслух свою запись.

Шесты были тут же срублены и принесены к месту постройки.

– «Связать их вместе с крышкой...» Связать, а чем? Он говорил, сыромятным ремнем, и еще говорил, что крышка должна быть из шкур. Придется нам взять простую веревку. – Ян несколько смутился от своей уступки.

– Я так и знал, – не спеша проговорил Сэм, – поэтому захватил моток веревки, только не решился сказать тебе дома.

Мальчики прочно связали треножник и укрепили его в земле. Девять шестов аккуратно вбили по кругу. Последний, с крышкой, привязанной к нему за выступ между клапанами, поставили против двери. Теперь потребовались соединительные булавки. Ян хотел сделать их из побегов орешника, но мягкое дерево не годилось для этого. Сэм сказал:

– Булавки надо делать из белого дуба.

Сэм расколол дубовое полено, потом половинки снова расщепил на две части, и так до тех пор, пока не получились тонкие лучинки, которые можно было обстругать ножом. Ян тоже взялся за топор.

– Не так! – сказал Сэм. – Старайся попасть в самую середину, а то топор пойдет криво. Будешь колоть всю зиму – научишься.

Мальчики сделали десяток колышков и воткнули в заранее приготовленные для этого дырки. Получилось красиво, потому что все колышки были одинаковой формы. Теперь оставалось только закрепить крышку кольями внизу.

– Сделай десяток дубовых колышков длиной в дюйм и шириной в четверть дюйма, – сказал Сэм Яну.

Затем он отрезал от веревки десяток концов по два фута длиной и, продев их в дырки на краю крыши, завязал каждую узлом. Десять петелек, накинутых на колья, крепко прихватили типи к земле. Наконец все было окончено.

И вот пришел черед самой торжественной минуте – оставалось зажечь первый костер. Мальчики испытывали те же чувства, что и настоящие индейцы: ведь освящение новой типи всегда считалось актом глубочайшей важности и значения.

– Лучше не спешить, чтобы костер не потух, – сказал Сэм. – Плохо, если не зажжем с первой спички.

– Еще бы! – поддержал его Ян. – Эх, Сэм, если бы нам удалось добыть огонь трением!

– Эй, ребята! – послышался за спиной голос.

Мальчики обернулись. Перед ними стоял Кaleb. Он подошел поближе и кивнул:

– Построили типи, да? Неплохо. Только зачем вы ее к западу повернули?

– Чтобы на речку смотрела, – ответил Ян.

– Забыл вам сказать, – начал Кaleb, – индейцы всегда ставят типи лицом на восток. В-первых, утреннее солнце падает внутрь, а потом, ветер чаще дует с запада, и от этого тяга лучше.

– А если ветер с востока, как во время дождей? – спросил Сэм.

– Когда ветер восточный, – сказал Кaleb, ни к кому не обращаясь, словно ему и не задавали вопроса, – нужно натянуть туго клапаны один на другой, вот так. – И Кaleb скрестил руки на груди. – Дождь ни за что не попадет тогда, а если при этом нет тяги, надо приподнять слегка край крыши около двери. Потом помните: никогда не ставьте типи под деревьями. Это опасно: во время грозы в них может ударить молния. И после дождя с деревьев часами капает. Выбирайте для типи самое солнечное место.

– Мистер Кларк, вы когда-нибудь видели, как индейцы добывают огонь из дерева?

– Конечно. Но теперь индейцы пользуются спичками. А раньше часто видел.

– А это долго? Трудно?

– Не трудно, когда знаешь, что к чему...

– Эх, разжечь бы так первый костер! – с жаром воскликнул Ян. – А вы можете добыть огонь таким способом?

– Да, – ответил старик, – только надо особое дерево. Не всякое годится. Индейцы, живущие на равнине, берут корень виргинского тополя, а горные индейцы пользуются липой, кедром, серебристой сосной или пихтой. Легче всего устроить бурав. Найдется у нас кусок оленьей кожи?

– Нет.

– Или просто полоска мягкой кожи?

– Ремешки от моих башмаков не пригодятся? – спросил Ян.

– Тонковаты... Но мы их сложим вдвое. Тогда все в порядке. Веревка сгодилась бы, да она быстро перетирается. – Кaleb взял ремешки и сказал: – Найдите мне небольшой камень с ямкой посередине.

Мальчики пошли к реке, а Кaleb – в лес. Скоро он вернулся с плоским обрубок сухой пихты и колышком из того же дерева. Он принес еще слегка согнутую палку в три фута длиной, немного соснового трута и сухого кедра.

Колышек имел восьмигранную форму, «чтобы держался ремень», как объяснил Кaleb. С обоих концов он был заострен. Кaleb привязал ремешок к выгнутой палке, как тетиву к луку, но свободно, так что можно было еще раз обернуть вокруг колышка и натянуть как следует. Плоский кусок пихты он обстругал, на одном конце сделал выемку и затем над ней кончиком ножа вырезал маленькое углубление.

Из куска кедра Кaleb настругал много стружек. Вырыв в земле ямку, он опустил туда трут и накрыл пихтовой дощечкой. В углубление, сделанное в ней, Кaleb вставил кончик колышка, а на верхнее острие надел камень, принесенный с речки. Крепко держа камень левой рукой, Кaleb принялся равномерно двигать лук по кругу. Колышек начал вращаться, и через несколько секунд бурая пыль посыпалась из-под него прямо в ямку с трутым. Выемка росла,

древесная пыль все темнела. Кaleb сильнее нажал левой рукой на камень, и его правая рука заработала еще быстрее. Из-под колышка маленькими кольцами стал куриться дымок. Увидев это, Кaleb откинул лук и стал осторожно раздувать тлеющий трут. Вскоре посреди типи затрещал первый костер.

Лицо старика светилось от удовольствия. Ян и Сэм были счастливы.

IX. Лук и стрелы

– Твое оружие никуда не годится, – сказал Ян, когда они с Сэмом однажды стреляли в саду из лука. – Оно похоже на мой первый лук, который я сам смастерил в детстве.

– Ну что ж, дедушка, посмотрим, какой ты теперь сделаешь! – засмеялся Сэм.

– Во-первых, он будет раз в пять тяжелее.

– Ты его не поднимешь!

– Стрелу держи по-другому, тогда получится. Прошлой зимой я прочел одну книгу и теперь знаю, как надо. Ты зажимаешь стрелу и слабо натягиваешь лук. Продень пальцы под тетиву – вот тогда сможешь натянуть в пять раз сильнее! Так делают индейцы!

– Очень неудобно! – Сэм попытался натянуть по-новому тетиву.

– С непривычки, конечно, неудобно! Потом, вырез на стреле делают глубже. Я хочу сделать настоящий хороший лук и много стрел. С одной стрелой ходить опасно.

– Ну что ж, попробуй. А в книжке сказано, из какого дерева лучше делать?

– Лучше всего испанский тис.

– Первый раз слышу!

– Можно из орегонского тиса тоже.

– Никогда не слышал.

– Здесь, похоже, найдется красный кедр, орешник или вяз?

– Красного кедра никогда не видел, а остальные есть.

– Надо раздобыть сухое дерево, срубленное зимой.

– Это подойдет? – спросил Сэм, показывая на кучу ореховых палок, лежавших на полу хижины. – Их срубили два года назад.

Мальчики отобрали хорошую палку в пять футов длиной. Сэм расколол ее на две части и обтесал. Он искусно владел топором и ножиком, и скоро оба лука были готовы.

Теперь надо было наладить тетиву. Все веревки, которые им удалось найти, были слишком слабы и рвались после нескольких выстрелов. Узнав, в чем дело, Си Ли послал мальчиков к сапожнику за дратвой и воском. Он разрезал дратву на несколько кусков, слегка навошил их и сплел не слишком толстую веревку.

– Вот эта тетива не скоро лопнет, – сказал Си Ли.

Когда луки были готовы, мальчики покрыли их лаком, который нашли среди всяких красок.

– Да, на старый лук и смотреть не хочется! – сказал Сэм, сравнивая новое оружие со своим маленьким жалким обручем. – Вы знаете, как надо делать стрелы, мистер? – спросил он, пробуя выстрелить из нового лука старой стрелой.

– Я только знаю, что у тебя в руках плохая стрела, – ответил Си Ли. – Поверь мне, хорошую стрелу сделать гораздо труднее, чем лук. У каждого из вас должно быть по двенадцать стрел.

– А как индейцы их делают?

– Чаще всего они берут прямые ветви гордовины. Но этого дерева я здесь не видел. Стрелы должны быть совсем прямые, иначе они будут лететь вкривь и вкось. Не зря ведь говорят: «Прямая, как стрела!» Мы можем сделать получше, чем у индейцев, у нас ведь хорошие инструменты. Можно смастерить стрелы из какого-нибудь крепкого дерева.

– Ну, опять назовешь растение, которое ни один белый человек в глаза не видел!

– Вот и не угадал! Для охотничьих стрел лучше взять ясень или орешник. Стрелять по мишени лучше стрелами из серебристой сосны. Какие будем делать?

– Я охотник! Мне нужны охотничьи стрелы.

– Нужно заготовить палочки из сухого ясеня в двадцать пять дюймов длины. Потом надо клей и перья.

– Вот тебе перья, – сказал Сэм и вытащил целую связку индюшиных крыльев, отложенных для чистки печей. – А я пока наколю палочек.

Взяв ясеневое полено, Сэм наколол из него две дюжины палочек. Ян начал обтачивать одну из них, но Сэм, посмотрев на его работу, сказал:

– Я лучше сделаю, – и, взяв остальные, стал обстругивать их рубанком на верстаке.

Ян с тревогой следил за ним и потом не выдержал:

– Но у индейцев же нет рубанков!

– Как и перочинных ножей! – последовал ответ.

Это была правда. И все же Ян не переставал думать о том, что когда-нибудь осуществит свою мечту: сделает стрелы, как индейцы, без всякого инструмента.

– Все-таки у индейцев вместо перочинных ножей были острые кремни.

– Хорошо, Ян, ты делай стрелы острыми камнями, вон на дороге их сколько хочешь валяется. Сними башмаки и пройдишь босиком – сразу найдешь! А я уж рубанком доделаю. Посмотрим, кто кого перегонит.

Сэм успел выстругать шесть отличнейших стрел, пока Ян все еще возился с первой.

– Какие наконечники поставим? – спросил Сэм.

– Я уже думал, – сказал Ян. – Индейцы прикручивают жилами каменные наконечники. Но у нас ничего этого нет. Остается сделать костяные или роговые. Я как-то выточил один из кости, но он оказался очень тонким. Потом брал большие гвозди с обломанными шляпками, а чтобы стрелы не расщеплялись, я обкручивал концы тонкой проволокой. Некоторые индейцы вообще не делают наконечников: просто обжигают стрелу, чтобы она стала тверже, и заостряют конец.

– Это нетрудно, – сказал Сэм. – Но давай лучше попробуем с гвоздями.

Мальчики сделали шесть стрел с наконечниками из заточенных гвоздей. Это были «боевые» стрелы. Шесть других они обожгли и просто заострили: эти предназначались для охоты.

Затем Ян показал Сэму, как расщепить перо и отделать бородку.

– Нам нужно по два пера на стрелу, значит, сорок восемь перьев, – сказал Сэм.

– Нет, – сказал Ян, – этого мало. Надо по три пера на стрелу. И помни, что на каждую стрелу нужны перья с одного крыла птицы.

– Я знаю. Не годится смешивать перья, а то стрела полетит не в ту сторону.

В это время к мальчикам подошел Си Ли.

– Ну, как ваши дела? – спросил он.

– Возмемся со стрелами.

– А как перья закрепляете?

– Белые приклеивают их, индейцы прикручивают жилами, – ответил Ян, цитируя по памяти «ту книгу».

– А что лучше?

– Приклеенные лучше летят, а прикрученные зато не боятся сырой погоды.

– Так почему бы не сделать и то и другое?

– Нет жил.

– Давайте я покажу! – сказал Си Ли. – Где у вас клей и веревка? Я думаю, сначала надо сделать на стреле выемку.

– Верно! Мы уж и позабыли про это!

– Может, ты позабыл, – сказал Сэм важно, – я-то помню.

Перочинным ножом быстро сделали выемку, и Си Ли начал клеить и прикручивать, употребляя вместо жил навощенную нитку.

Когда все было сделано, стрелы аккуратно разложили для просушки.

Чтобы легче различить их, Ян выкрасил стрелы Сэма в красный с синими полосками, а свои – в красный цвет с белыми полосками. Теперь оставалось сделать только колчаны.

– Разве у индейцев есть колчаны? – схитрил Сэм, которому уже хотелось поскорее кончить эту трудную работу.

– Конечно! Как же без них? – воскликнул Ян.

– А из чего они делаются? – спросил Сэм.

– Из березовой коры, из шкур, а если уж ничего другого нет, то из брезента.

Мальчики сшили себе колчаны из обрезков брезента. На каждом из них Ян нарисовал индейские узоры.

– Теперь попробуем наше оружие, – сказал Сэм.

И мальчики отправились в сад. Они нацелились в одно дерево, и оба промахнулись. Стрела Сэма вонзилась в ствол другого дерева и треснула.

– Лучше бы мы стреляли в мягкое! – расстроился Сэм.

Посоветовавшись, они раздобыли большой старый мешок из-под зерна, набили его сеном и, нарисовав несколько колец вокруг бычьего, или, как сказал Сэм, бизоньего глаза, поставили на расстоянии двадцати ярдов. Но, к их разочарованию, стрелы все время отлетали влево.

– Пойдем в сарай, может, там у нас получится, – предложил Сэм.

У Яна были выписки из «той книги», как стрелять из лука. Когда мальчики выучили правила настолько, что не думали о них, выстрелы их стали меткими. Отодвигая мишень, они вскоре уже без промаха стреляли на сорок ярдов.

Мальчики очень удивились, что стрелы, хотя и казались одинаковыми, имели каждая свой характер. Так, у Сэма была одна стрела, которая в полете описывала замысловатые зигзаги. Они прозвали эту стрелу Бумеранг. Другая, с коротким перышком, летела дальше всех и получила название Дальнобойная. Самую лучшую стрелу, с легким наконечником и длинным индюшиным пером, Сэм окрестил Верная Смерть. Была еще одна стрела, с маленьким перышком, не боявшаяся ветра. Ее имя было Ветерок.

Ту, которую Ян вырезал ножиком, прозвали Резная, или Шутница. Эта стрела оставалась загадкой, никто не знал, как она полетит в следующий раз. Но любимицей Яна была стрела с желобком вокруг наконечника. Ее называли Свисток, потому что она летела с удивительным свистом.

Х. Плотина

Однажды жарким днем в начале июля, когда мальчики купались в обмелевшей реке, Сэм сказал:

– Воды в речке поубавилось. Она каждое лето пересыхает.

– А почему бы нам не сделать плотину? – предложил Ян.

– Ну, работы не оберешься...

– Вот еще! Зато все лето купались бы. Давай начнем, а?

– Первый раз слышу, чтобы индейцы устраивали плотины.

– А мы будем играть в бобров, пока строим! Смотри, это для начала, – сказал Ян и, взяв большой камень, подтащил его к тому месту, которое показалось ему самым узким.

Он так горячо взялся за работу, что скоро поперек русла возвышалась уже каменная стенка.

Сэм по-прежнему сидел на берегу, обхватив ноги и уткнувшись подбородком в колени. Боевая раскраска стекала красными и голубыми ручейками по его груди.

– Иди помогать, а то совсем разленишься! – крикнул Ян и швырнул в Сэма пригоршню песка.

– У меня снова болит колено, – ответил Сэм.

Наконец Ян сказал:

– Я не собираюсь все делать один.

– Послушай, – вдруг оживился Сэм, – я кое-что придумал. Сюда к реке приходит на водопой стадо, а летом, когда река пересыхает, скот гонят к сараю и поят из лоханей. Давай положим два бревна поперек реки, вот и половина работы! Мы попросим отца, чтобы он дал нам лошадей перебросить бревна через реку. Тогда и скоту будет откуда пить. Знаешь, я только об этом и думаю, прямо ночи не сплю! Не могу смотреть, как в жару они плетутся на водопой к сараю.

Сэм решил ждать удобного случая, чтобы поговорить с отцом.

На следующее утро, за завтраком, мистер Рафтен, посмотрев на Яна, спросил его:

– Сколько нужно клеенки на пол, если комната двадцать футов длины и пятнадцать ширины?

– Тридцать три и одна треть ярда, – быстро сосчитал Ян.

Рафтен очень удивился, как можно с такой скоростью высчитать это в уме. Впервые на его лице было написано восхищение.

– Когда ты научишься так считать? – спросил Рафтен сына.

– Никогда, – спокойно ответил мальчик. – Зубному врачу нечего рассчитывать клеенку... Слушай, Ян, – вдруг шепнул Сэм, – лучше ты упроси отца. Он сегодня тобой доволен. Куй железо, пока горячо!

После завтрака Ян отважился:

– Мистер Рафтен, река совсем пересыхает. Мы хотим устроить запруду, чтобы скоту было где напиться. Но нам нужно перекинуть два бревна через реку. Дайте нам упряжку лошадей на несколько минут.

– По-моему, тебе охота устроить пруд для купания, а? – добродушно спросил Рафтен.

– Там и поплавать тогда можно, – покраснел Ян.

– Сдается мне, это Сэм говорит устами Яна, – хитро прищурился Рафтен. – Я сам посмотрю, пойдем.

– Где вы хотите строить плотину? – спросил Рафтен, когда они пришли к реке. – Вот тут? Плохое место. Течение очень быстрое, плотину скоро прорвет. Я вам покажу хорошее местечко, чуть повыше. А где ваши бревна? Я ж их заготовил для нового сарая! Сами без спросу ничего не берите. Я пришлю бревен.

Скоро упряжка лошадей приволокла на берег бревна, и, по просьбе Яна, они были уложены поперек течения на расстоянии четырех футов друг от друга. С внутренней стороны около бревен мальчики вбили колья, теперь промежуток между двумя «заборчиками» нужно было заполнить камнями и глиной. Эту часть работы мальчики сделали за неделю. Оставалось самое важное – закрыть перемычку в плотине. Мальчикам приходилось трудно: вода поднялась очень высоко, но они работали, как бобры, и наконец все было закончено.

В ту ночь шел проливной дождь. На следующий день, идя по лесу, Сэм и Ян услышали глухой рев со стороны реки. Они остановились в нерешительности и прислушались. И вдруг Ян закричал:

– Плотина! Сэм, это вода бежит через нашу плотину!

С радостным криком мальчики бросились к реке. На том месте, где раньше проглядывалось каменистое дно, они увидели водную гладь; сильный поток с шумом катил вниз через оставленный проем. Радости мальчиков не было конца!

Все это было делом их рук! Через минуту оба барахтались в воде.

– Ну, разве не стоило потрудиться? – спросил Ян.

Он отлично плавал, и Сэм, глядя на него, сказал:

– Теперь я знаю, кто ты. От меня не скроешь! Я видел, как ты строил плотину. Ты краснокожий по имени Маленький Бобр.

– А я смотрю на тебя, – ответил Ян, – и думаю, ты, верно, и есть тот краснокожий по имени Бездельник, Который Боится Лопаты.

– Вовсе нет, – возразил Сэм. – Хотя я, конечно, и не Храбрый Орел, Сидящий на Скале, Опустив Хвост над Пропастью. А впрочем, все равно.

– Я слышал, Си на днях называл тебя Дятлом, – сказал Ян.

– Так меня в школе прозвали.

Когда после купания они уселись у костра, Ян сказал:

– Хочешь, Дятел, я расскажу тебе одну историю?

Сэм, усмехнувшись, приставил ладони к ушам, изображая полное внимание.

– случилось так, что одна индианка попала в плен к чужому племени. Ей удалось бежать. Она долго бродила по лесу и, не зная местности, заблудилась. Из оружия у нее был только нож, а пищей ей служили ягоды. Наступили холода, и она построила себе вигвам из бересты, добыла огонь и смастерила лук с тетивой из шнурка мокасины. Она ловила силками кроликов и из их шкур сшила себе одежду. А весной ее нашел Сэмюэль Хирн, известный путешественник. Нож у нее почти стерся, но она сама была совсем здорова.

– Это очень интересно, – сказал Сэм, который внимательно слушал Яна. – Вот бы мне так пожить в лесу!.. Только с ружьем.

– Еще бы! Кто не захочет!

– Ну да! Не каждый сможет. А я бы справился.

– С одним ножом? Хотел бы я поглядеть, как ты сделаешь себе типи! – засмеялся Ян и серьезно добавил: – Знаешь, Сэм, ведь мы же в индейцев играем, хорошо бы нам и вправду делать все только из того, что мы в лесу добываем. Давай станем сэнгерскими индейцами. Ты будешь вождь, и я тоже, – добавил Ян, не желая предлагать себя в вожди или быть в подчинении у Сэма. – Я – Маленький Бобр. А ты?

– Кровавая Грозовая Туча.

– Это плохо. Надо покороче и чтобы можно было нарисовать и сделать тотем.

– Какой самый хитрый зверь?

– Росомаха, кажется.

– Хитрее лисы?

– В книжке написано, что хитрей.

– Она сладит с бобром?

– Наверное.

– Хорошо, тогда я – Росомаха.

– Нет. Я не могу дружить с тем, кто побьет меня. Оставайся Дятлом. Это больше тебе подходит. Дятел хорошее дерево испортит, кору продолбит.

– Ну, это лучше, чем бобровать! – отрезал Сэм.

Слово «бобровать» имело свою историю. В Сэнгере считалось величайшим достоинством умение обращаться с топором. У старых поселенцев топор был единственным инструментом. Говорили даже, что некоторые жители чуточку заточат топор и бреются им по воскресеньям.

Когда сын начинал самостоятельную жизнь, отец дарил ему хороший топор.

Чтобы надрубить дерево и повалить его в нужную сторону, необходимо знать много правил. И жители Сэнгера усваивали их чуть ли не с первого дня жизни. Бобры, как говорят, подгрызают дерево кругом, пока оно не свалится. Если дровосек неумело подрубал дерево, его занятие называлось «боброваньем». И поэтому, если «поработать, как бобр» считалось высшей похвалой, то «бобровать» дерево означало позор.

Потому-то насмешку Сэма мог оценить только житель Сэнгера.

XI. Тайны трав

Как только представился удобный случай, Ян собрался к бабушке Невилль.

– Иди без меня, – посоветовал Сэм, – она на тебя и не взглянет, если мы придем оба. Ты слишком здоров на вид.

И вот Ян, к своему удовольствию, пошел один. Как он ни любил Сэма, его смущала болтливость приятеля, а главное, Сэм всегда прерывал разговор на самом интересном месте.

Ян захватил с собой записную книжку и карандаши, а по дороге нарвал букет цветов и трав. На этот раз старушка приняла его совсем иначе.

– Входи, входи! – заговорила она. – Как поживаешь, как поживают твои мать с отцом? Садись и расскажи, что поделывает тот негодный мальчишка, Сэм Рафтен.

– Он уже выздоровел, – ответил Ян и густо покраснел.

– Еще бы! Конечно, он здоров! Я-то знала, что поставлю его на ноги, и сам он знал это, и мать его знала, потому и позволила идти ко мне. Она что-нибудь сказала?

– Нет, бабушка, ничего.

– Вот негодная! Спасла ее сына, хоть они и ограбили меня, так даже «спасибо» не сказала, бессердечная! А ты зачем пришел ко мне? Это что у тебя, цветы? Люди могут порубить деревья, но цветы-то уж каждой весной снова вырастают, мои красавицы!

Ян протянул ей букет. Она вытащила аронник и стала рассказывать:

– Вот это печаль-трава. Некоторые зовут ее индейской репой. А я слыхала, как дети называли ее «джек на подставке». Не вздумай брать ее корень в рот – жжет, как огонь. Индейцы вываривают из нее яд, а потом уж съедают. Лучше, чем с голоду помирать... А вот синий когош. Я его называю «судорожный корень». Ничего нет лучше при судорогах. Его пьют, как чай... Погляди-ка сюда. – И старушка вытянула желтый цветок. – Это мокасиновое растение, а вот умбил, или «успокаивающий корень». Помню, дочка Ларри не хотела идти служить и очень плакала, глупая. Я дала ей выпить настою из этого корня, все и прошло. Его надо вырывать до того, как он зацветет. Ведь сила должна стуситься в одном месте: или в ветке, или в корне. Я срываю его весной или осенью... А это еще что у тебя? Никак заячья капуста? Наверняка шел мимо излучины. Она только там и растет.

– Да, – сказал Ян, – я там и сорвал. Не спешите, бабушка, я хочу записать, что вы сказали про травы.

– Ну, у тебя целая книга наберется, – с гордостью сказала старушка, зажигая трубку. – Да к чему тебе это записывать? Ты лучше запомни.

Ян торопливо заносил в тетрадку все, что говорила старушка, но зарисовывать травы и корни не успевал.

– А ты прилепи бумажки с названиями на самые корешки и спрячь их. Так делал доктор Кармартин, когда я его учила... Вот-вот, – кивнула она головой, когда Ян стал каждый стебелек оборачивать бумажкой с надписью.

– Ну и метла! – удивился Ян, увидав в углу символ порядка и чистоты.

– Она из бука. Ларри делает такие.

– А кто такой Ларри?

– Это мой мальчик. («Мальчику» было уже около шестидесяти лет.) Он делает их из синего бука.

– А чем? – спросил Ян, взяв метлу и пристально разглядывая ее.

– Ножом, конечно. Он мастер делать такие штуки. Возьмет черенок синего бука, настрогает на нем стружек, но не срезает их и ждет, пока они на конце завьются.

– Это как те палочки, которыми огонь разжигают, да?

– Вот-вот, как те самые, только здесь стружка подлиннее. Потом он выворачивает все стружки и связывает их кожаным ремнем. Никто лучше его не делал таких метел.

В эту минуту дверь открылась и вошла Бидди.

– Ян! Как хорошо, что ты пришел к нам! – обрадовалась девушка.

– Ты сегодня рано, – сказала старушка.

– Я шла другой дорогой, – ответила Бидди.

– Послушай, Бидди, давай оставим Яна обедать с нами. Правда, утки жареной мы не приготовили. Но голодным он от нас не уйдет. Бидди каждый день готовит мне обед, а иногда я и сама стряпаю. Накрой на стол, Бидди. А тебе я пока кое-что дам. – И старушка пошла к кровати, где среди серых простыней еще лежало полдюжины румяных яблок.

– Бабушка, а вы не боитесь ночевать здесь одна? – спросил Ян.

– Чего ж тут бояться? Один раз только разбойники заходили ночью. Я их спрашиваю: «Что вам от меня надо?» – «Деньги», – говорят. Это, значит, в округе болтали, что я свою корову продала. «Ну что же, – говорю им, – я сейчас встану и помогу вам искать. Ведь я с прошлой осени больше цента в глаза не видала». – «Отдавай деньги, – твердят, – или убьем». – «Даже если бы попросили двадцать пять центов, – говорю, – и то ничего бы не дала. Нет у меня. Могу и смерть принять». И тут говорит один, ростом поменьше: «Разве ты не продала свою корову?» А я им: «Подите в сарай и посмотрите, там она. Только не люблю тревожить ее по ночам: шум подымет, заволнуется. Молоко плохое будет». И тут они оба как рассмеются! А низенький и говорит: «Послушай, бабка, мы тебя не тронем, только никому ни слова». Хотели идти, а я слышала – один из них кашлял очень. Дала ему выпить легочного бальзаму. На прощание они мне сами доллар дали. Говорили, больше с собой не было.

– Бабушка, откуда индейцы краски берут? – спросил Ян, снова возвращаясь к тому, что его больше всего интересовало.

– Идут в магазин и покупают, как мы, – ответила она.

– А до того, как стали продавать готовые краски, из каких растений они добывали?

– Из разных, мальчик. Есть красивый желтый цветок, растет он на полях и под заборами, «золотой дождь» называется. Индейцы кипятят в воде иглы дикобраза вместе с этими цветами. Вот посмотри на эту тряпку, ее покрасили такой краской.

– А красную?

– У них нет по-настоящему красной краски. Они выжимают сок какой-то красной ягоды и кипятят его.

– Какие ягоды дают самый красный цвет, бабушка?

– Не думай, что только красные. Красную можно получить из черники и брусники и из многих других ягод.

– А из чего они получают синюю?

– Сама не знаю, милый. Много, наверное, всяких трав есть, только я не все видала. Зеленый цвет получишь из молодых побегов бузины. Коричневый – из коры ореха, черный – из коры белого дуба. Цвет, похожий на голубой, можно получить из индиго. Ну а какого цвета в лесу нет, то, видно, и не нужен он.

ХII. Угощение

Тем временем Бидди, звонко шлепая босыми ногами по дощатому полу, хлопотала вокруг стола.

– Бабушка, а где скатерть? – вдруг спросила она.

– Нет, ты только ее послушай! – засмеялась старуха. – Будто не знает, что у нас скатерти и в помине не было. Спасибо, хоть не голодные сидим, а она про скатерть заговорила.

– Чего тебе налить: чаю или кофе? – спросила Бидди.

– Чаю, – ответил Ян.

– Вот и хорошо! – обрадовалась старуха. – А то кофейное зернышко в последний раз я видела зимой. А чаю сколько угодно достанешь в лесу. Я тебя угощу кое-чем вкусеньким.

И старуха заковыляла в угол, где была привешена полка. Сняв оттуда старую коробку из-под сигар, она раскопала среди спичек, табачных крошек и пыли шесть кусочков сахара.

– Вот, хранила их для какого-нибудь хорошего гостя. Кушай на здоровье. – И старуха бросила грязно-серые комочки в стакан Яна. – Остальные положим тебе во вторую кружку. А сливок хочешь? – И она пододвинула к мальчику замусоленную банку с великолепными сливками. – Бидди, дай мальчику хлеба.

Бидди разрезала, очевидно, единственную булку на куски и несколько ломтиков положила Яну на тарелку.

– Масло, кажется, немного прогоркло, – сказала старуха, заметив, что Ян не намазал хлеб.

Старуха снова проковыляла к полке и сняла старый стеклянный кувшин с отбитым краем. Там хранилось варенье.

– Вот, Ян, теперь ешь на здоровье. Да не стесняйся, у меня еще много варенья, – сказала радушно старуха, хотя видно было, что она выложила на стол все свои припасы.

Ян был страшно смущен. Он чувствовал, что добрая старушка, щедро угощая его, отдавала ему все, что у нее было, и понимал, как глубоко огорчится она, если он не отведаст этих яств. Пригодным для еды ему казался лишь один хлеб. Ян откусил кусочек, но хлеб тоже никуда не годился.

– Попробуй вот этого, – сказала старуха.

И не успел Ян глазом моргнуть, как у него на тарелке уже дымились горка горячего картофеля. Но к несчастью, Ян видел, как старуха несла эту картошку в грязном фартуке, поэтому ему не хотелось даже смотреть на свою тарелку.

– Может, сварить тебе яйцо? – спросила Бидди.

– Да, да, пожалуйста! – обрадовался Ян. «Хоть это съем», – подумал он.

Бидди пошла в сарай и скоро вернулась с тремя яйцами.

– Как хочешь: всмятку или яичницу?

– Всмятку, – ответил Ян: он знал, что так будет надежнее.

Бидди оглянулась, отыскивая взглядом горшок.

– Там наверняка уже кипит, – сказала старуха, показав на какую-то посудину, в которой кипятилось белое.

Бидди положила туда яйца.

Ян молил Бога, чтобы яйца не лопнули. Но два яйца все же треснули, и Ян получил одно. Это был весь его ужин.

Ян уложил свои растения и собрался уходить.

– До свидания, мальчик. Приходи ко мне и приноси всякой травы, какую найдешь, – сказала старуха на прощание.

Вернувшись домой, Ян увидел, что на столе приготовлен для него обед, хотя время еды давно прошло.

– Садись поешь, – ласково сказала миссис Рафтен. – Я тебе поджарю кусок мяса. Через пять минут он будет готов.

– Но я пообедал у бабушки Невилль, – сказал Ян нерешительно.

– Я знаю: она, наверное, мешала тебе чай одним пальцем, а варенье мазала на хлеб – другим? – грубовато спросил Рафтен.

Ян покраснел. Похоже было, что все знают, каким обедом его кормили. Но он горячо возразил:

– Она меня угостила чем могла и была очень добра ко мне.

– И все-таки ты бы поел, – озабоченно проговорила миссис Рафтен.

Как заманчиво было предложение отведать сочного зажаренного мяса! Ян был голоден, но не хотел сознаться в этом и, оставаясь верным бедной бабушке, щедро угощавшей его, первый раз в жизни солгал:

– Нет, большое спасибо. Бабушка Невилль накормила меня досыта.

И, преодолевая голод, мальчик взялся за вечернюю работу.

ХIII. Шпион

– Интересно, где Калев достал тот большой кусок березовой коры? – спросил Ян. – Хорошо бы и нам раздобыть такой для посуды.

– Наверное, в лесу Бернса. У нас здесь нет. Придется и нам туда отправиться.

– Ты попросишь у Бернса?

– Зачем? Кому нужна старая береза?

Ян колебался. Сэм взял топор.

– Пусть это будет нашей военной вылазкой. Бернс – враг отца!

Ян последовал за товарищем, глубоко сомневаясь в честности их поступка.

В лесу Бернса они скоро наткнулись на большое березовое бревно. Мальчики стали уже сдирать с него кору, как вдруг вдаль увидели высокого мужчину с мальчиком. Очевидно, они пришли на стук топора.

– Старый Бернс! – шепнул Сэм. – Бежим!

Схватив топор, мальчики бросились к изгороди. Им вслед неслись проклятья и ругань Бернса. Ему не жаль было березы – в то время лес не имел никакой цены, – но Рафтен перессорился со всеми соседями, и поэтому Бернс был готов раздуть целую историю из-за любого пустяка.

Его сынишка подбежал к изгороди и стал кричать:

– Рыжий! Рыжий! Рыжий вор! Попадись нам только еще!

– Бой не состоялся, скальпы спасены, – мирно сказал Сэм и положил топор на место.

– Потеряна только честь, – добавил Ян. – А кто этот мальчик?

– Это сын Бернса, Гай. Я его знаю. Дрянной парень! Вечно вынюхивает и выслеживает. И страшный врун! В школе ему дали премию – большую щетку – за то, что он самый чумазный из учеников. Мы все голосовали за это.

На следующий день мальчики повторили набег, но едва они стали сдирать кору, как где-то в кустах раздался громкий крик. Подражая голосу взрослого, Гай вопил:

– Убирайтесь отсюда! Вот я вас!

– Давай возьмем его в плен, Ян, а?

– И сожжем заживо!

Они бросились в ту сторону, откуда слышались крики, но появление самого Бернса заставило их пуститься наутек.

Мальчики еще не раз подходили к изгороди в следующие дни, но, как назло, где-то поблизости работал Бернс, и его сын вертелся тут же. Он был всегда настороже. Однажды издали

Гай показал жестами, что знает про все их дела, наверное, он успел побывать около типи. Сэм и Ян не раз видели, с каким интересом наблюдал Гай за их упражнениями в стрельбе из лука, но как только он замечал, что его присутствие обнаружено, убегал в безопасное место и оттуда осыпал их насмешками.

Однажды мальчики пришли к своему лагерю в необычное время. И вдруг в кустарнике около типи Ян заметил босую ногу.

– Что это? – удивился Ян, нагнулся и схватил за пятку Гая Бернса.

Гай вырвался и бросился бежать со всех ног. Индейцы с грозными криками гнались вслед. Ян несся как стрела, и короткие толстые ноги Гая, хоть и подгоняемые страхом, не могли спасти его. Гая схватили и приволокли к типи.

– Пусти меня, Сэм Рафтен, пусти! – орал он.

– Первым делом надо его привязать, – сказал Сэм и взялся за веревку.

– Совсем не так, – поморщился Ян. – Надо вязать ремнями.

Кожаное дерево нашлось поблизости, и, несмотря на вопли пленника, индейцы хладнокровно привязали Гая к молодому зеленому стволу, который, как сказал Ян, дольше противится огню. Затем оба воина, скрестив ноги, уселись у костра, старший вождь закурил трубку мира, и они стали обсуждать дальнейшую судьбу пленника.

– Брат мой, – важно обратился Ян к Сэму, – как приятно слышать рев этого жалкого бледнолицего! (На самом деле его завывания уже трудно было переносить.)

– О да! – ответил Дятел.

– Пустите меня! – визжал пленник. – Отец с вас шкуру сдерет за это!

– Сперва снимем скальп, потом сожжем. – И Маленький Бобр сделал выразительные жесты руками.

Сэм согласно кивнул головой и, достав большой складной нож, принялся точить его на камне. Лезвие зазвенело – дзи-ит, дзи-ит, дзи-ит! И Гай начал дрожать от страха.

– Брат Дятел! Дух нашего племени жаждет крови этой жертвы.

– Ты хочешь сказать: «Великий Вождь Дятел», – негромко поправил его Сэм. – Если ты не будешь меня называть вождем, я тоже тебя не буду так называть.

Великий Дятел и Маленький Бобр вошли в типи, заново раскрасили друг другу лица, поправили головные уборы и вернулись назад, чтобы начать казнь.

Дятел снова принялся точить нож, в чем уже не было никакой необходимости, просто ему очень нравился этот резкий и устрашающий звук: дзи-ит, дзи-ит!

Маленький Бобр тем временем притащил охапку сухих веток и положил их перед пленником, но у Гая не были связаны ноги, и одним пинком он раскидал весь хворост. Оба вождя отскочили в сторону.

– Вот ты как! – вскричал свирепый Дятел. – Вяжи ему ноги, брат мой Великий Вождь Маленький Бобр!

Полоской коры ноги Гая были привязаны к стволу. Тогда Вождь Дятел приблизился с ножом в руке к пленнику и сказал:

– Великий Брат Вождь Маленький Бобр, если мы снимем с него скальп, то получим всего один скальп, и тогда тебе нечем будет похвалиться!

Но Ян быстро нашел выход из трудного положения:

– Великий Брат Вождь Красноголовый Дятел, Сидящий на Пне и Помахивающий Хвостом, не скальпируй его! Сдери кожу с его глупой башки, и мы разделим ее пополам.

– Верно! – согласился Сэм. – Ты хорошо придумал, Брат Старый Индейский Вождь Великий Маленький Бобр, Подгрызающий Деревья!

Вытащив кусок угля, Дятел с мрачным видом повернулся к пленнику, чтобы на его голове начертить полосу справедливого раздела. Маленький Бобр заметил, что он имеет право на одно ухо и половину ракушки, наиболее ценной части скальпа. Тогда Дятел ткнул в хохолок

на темени пленника и сказал, что тут, по существу, вторая макушка и младшему вождю достанется хорошая доля. Индейцы довольно долго обсуждали, как лучше разделить трофей, и наконец пришли к обоюдному соглашению.

До этой минуты пленник держался еще довольно храбро. Он не переставал грозить, что пожалуется отцу, учителям и вообще всему свету. Наконец он пообещал рассказать все мистеру Рафтену. Последняя угроза заставила Сэма несколько призадуматься, и он с некоторым беспокойством спросил Яна:

– Великий Вождь, ты понимаешь язык этого вздорного болтуна? Что он говорит?

– Не понимаю. Наверное, он поет предсмертную песню.

Гай не был трусом. Он стойко держался, пока был уверен, что с ним играют. Но когда уголек прочертил на его голове роковую линию, делившую скальп поровну между двумя раскрашенными чудовищами, и один из них, неумолимый Дятел, подойдя к нему с ножом, схватил его за волосы на макушке, Гай не выдержал и громко заплакал.

– Пожалуйста, не надо! Папа! Мама! – кричал он. – Пустите меня, я никогда больше не буду!

Он не сказал, чего не будет делать, но индейцам было ясно, что враг сдался.

– погоди, Великий Брат Вождь! – сказал Маленький Бобр. – У индейцев есть обычай не казнить и даже принимать в свое племя пленников, сильных духом.

– Если считать плач и вой силой духа, то в таком случае у него хватит этого на шестерых, – сказал Дятел.

– Давай разрежем путы, которые связывают его, пусть он бежит к своему племени.

– Но лучше оставить его здесь на всю ночь, а утром обнаружить, что он убежал, – сказал Дятел.

Пленник, заметив, что его положение перестало быть таким угрожающим, наобещал индейцам всю березовую рощу из своего леса и вообще все, на что он был только способен, если останется в живых. Он пообещал стащить самые лучшие яблоки из отцовского сада.

Маленький Бобр вынул нож и стал разрезать путы.

Наконец последняя полоска упала на землю. Подгонять Гая не потребовалось. Он молча понесся к изгороди, перебрался через нее и исчез.

После таких приключений ни один мальчишка больше не пошел бы к месту, где стояла типи, но Гай, хорошо знавший Сэма, скоро сообразил, что напрасно испугался. Его разбирало любопытство, и однажды Ян и Сэм снова увидели убежавшего из их лагеря Гая.

Индейцы догнали его и приволокли назад. На этот раз Гай не бранился. Сначала вожди обсуждали, какой смерти его лучше предать: сжечь на костре или утопить в пруду? Затем они приступили к допросу. Но пойманный молчал. Что он делал в лагере? Зачем пришел сюда? Ответа не было. Гай смотрел на них исподлобья.

– Давай завяжем ему глаза и вырежем гайяскутус у него на спине, – сказал Ян глухим голосом.

– Хорошая мысль, – согласился Сэм, хотя он имел о «гайяскутусе» такое же представление, как и пленник. – Не будь с ним жесток. Это умерит боль.

Неизвестное всегда страшит. В душу жертвы снова закрался страх. Уголки его губ задрожали, и слезы закапали из глаз.

– Почему ты не скажешь нам, зачем пришел сюда? – спросил Ян.

И вдруг плачущий пленник пробормотал:

– Я тоже хочу играть в индейцев...

Это чистосердечное признание застало мальчишек врасплох. Маленький Бобр встал и, обратившись к воображаемому совету, сказал:

– Великие Вожди сэнгерского племени! Этот бледнолицый выказал небывалое мужество, когда мы его пытали. Ни один из наших прежних пленников не был наделен столькими талантами. Я призываю вас принять его в наше племя.

Затем встал Дятел и сказал:

– О Вождь, мудрее которого лишь один человек в нашем племени! Все, что ты сказал, – правда, но известно тебе, что в наше племя может быть принят только человек с большими достоинствами? Он должен побороть воина нашего племени. Может ли он это?

– Нет, – ответил Гай.

– Обогнать нашего воина или стрелять более метко – может?

– Нет...

– Что же тогда он умеет делать?

– Я могу воровать арбузы... Вижу дальше всех в школе... А если спрячусь, никто не отыщет. Много раз я следил из кустов, как вы строили типи и плотину. Я первым выкупался в вашем пруду! Потом я сидел в типи и курил ваши трубки, когда вас не было, и я слышал, как вы собирались идти к нам воровать березовую кору.

– Не вижу, где здесь благородство и сила духа, – сказал Сэм. – Ты принес подарки Старейшему Вождю племени?

– Я принесу столько березовой коры, сколько вы захотите. Ту, что вы ободрали, отец сжег. Но я вам другой принесу. И еще я стащу цыпленка.

– Намерения эти весьма благородны, – сказал Ян. – Принимаем его!

– Согласен, – сказал Вождь Дятел, – но помни, что мне по-прежнему принадлежит право на левую половину скальпа, включая ухо! Я могу потребовать ее в любую минуту. Скажи, Ян, то есть Маленький Бобр, ты ведь знаешь, какую нужно пройти церемонию, когда вступаешь в индейское племя?

– В разных племенах – разные обычаи. Но Солнечный Танец и Испытание Огнем устраивают чаще всего, и они ужасно трудные.

– Ну а ты проходил эти испытания? – спросил Сэм.

– Еще бы! – сказал Ян, вспоминая сожженные на солнце плечи и руки. – Я выдержал их так, что все признали меня самым лучшим воином племени. – Он, правда, не пояснил, что был единственным человеком во всем племени. – И меня единогласно называли Пылающий Восход.

– Я тоже хочу быть Пылающим Восходом! – пропищал Гай.

– Ты? Да еще неизвестно, подходишь ли ты вообще, Желтая Сельдь! Какое ты хочешь пройти испытание?

Гай предпочел Солнечный Танец. Он и до того был достаточно загорелым, поэтому, хотя он и плясал вокруг типи в трусиках целый день, кожа его не обуглилась.

Когда солнце село, вожди собрались на совет.

Оглядев с ног до головы нового воина, Старейший Вождь мрачно покачал головой и сказал:

– Слишком неопытен, чтобы загореть как следует. Назовем его Молодой Веткой.

Напрасно Гай возражал. Отныне он стал Веткой и так должен был называться до тех пор, пока не заслужит более достойное имя.

Затем по кругу пошла трубка мира, и Гай был объявлен третьим вождем сэнгерских индейцев.

Гай был самым безобидным во всем племени, и, может быть, поэтому ему особенно нравилось раскрашивать свою круглую смеющуюся рожицу под свирепое лицо дикаря. Вот только глаза у него были выцветшего голубого цвета, а не черные, как у краснокожих. Свою растрепанную белобрысую голову он мог скрыть под пучками конского волоса, военная раскраска избавляла его от веснушек, и лишь белесые ресницы и блеклые пороссячьи глазки ничем нельзя было подменить. Но Гай ни с кем не делился своим горем, потому что знал: проведай кто-

нибудь из мальчиков об этом, он сразу получит новое имя – Пупсик, или Птенец, или какое-нибудь другое ужасное, совсем не индейское прозвище.

XIV. Ссора

– Знаешь, Ян, я сегодня малиновку видел.

– Это что-то новое! – недоверчиво сказал Ян.

– У нас она самая красивая птица.

– Ну а колибри?

– Вот уж сказал! Она просто маленькая, но не такая красивая.

– Теперь ясно, что ты ничего не понимаешь в птицах, – возразил Ян. – Потому что эти прелестные крылатые жемчужины одновременно и самые маленькие, и самые красивые среди всего пернатого мира. – Эту фразу Ян прочел где-то и держал в своей памяти.

– Фу! – сказал Сэм. – Совсем как в книжке! А я видел сотни колибри у нас и держу пари, что малиновка гораздо красивее твоих колибри! Она алая, как кровь, и горит, словно огонь, а крылья у нее черные. Бабушка Невилль говорит, что индейцы называют ее птицей войны, потому что, где она пролетит, начинается война.

– А, так это кардинал, – сказал Ян. – Где ты его видел?

– Да просто он слетел с ветки и уселся на верхний шест типи.

– Надеюсь, у нас война не начнется... Вот бы мне одного кардинала для чучела!

– Я выстрелил из лука, но ни стрелы, ни птицы больше не видал. Это была моя лучшая стрела – еще одна Верная Смерть.

– А ты отдашь мне стрелу, если я ее найду? – спросил Гай. – Не веришь? Ну а что ты дашь за это? Смолу пожевать, ладно?

– Нет.

– Ну хоть чуточку!

– Согласен.

– Держи свою старую стрелу, – вдруг сказал Гай и вытащил ее из расщелины в дереве. – Я видел, как она ткнулась сюда.

Ранним утром индейцы, наведя на лица военную раскраску, вышли в обход. Они, конечно, были вооружены луками и стрелами и поминутно вглядывались в следы на тропе и прислушивались, нет ли поблизости врага.

Воины неслышно ступали своими мокадинами. Их загорелые тела скользили между огромными стволами древних деревьев, а пронизательные взоры впивались в каждый дрогнувший листок. Так, по крайней мере, говорится в записной книжке Яна.

Они шли очень тихо и все-таки испугнули маленького ястреба. Вслед птице полетели три стрелы, но напрасно.

Ян взглянул на дерево, откуда метнулась птица, и воскликнул:

– Гнездо!

– По-моему, это просто шар из пуха, – возразил Гай.

– Не выдумывай! – сказал Ян. – Мы же с этого дерева согнали ястреба.

Ян лазил лучше всех. Скинув головной убор, куртку и брюки, он стал быстро карабкаться по стволу, не обращая внимания на липкие смоляные капли, выступившие из коры.

Не успел Ян скрыться в нижних густых ветвях, как Гай предложил Сэму подшутить над Маленьким Бобром.

Они набили травой куртку и брюки Яна, надели головной убор вождя на чучело, стрелой пригвоздили его к земле, а сами удрали.

Добравшись до самой верхушки, Ян увидел, что воображаемое гнездо – это всего-навсего нарост, который часто бывает на пихтах. Ян окликнул товарищей, но никто не ответил, и он

спустился вниз. Сначала чучело его насмешило, но, разглядев, что куртка его порвана, а стрела сломана, Ян расстроился. Приятелей нигде не было видно. В типи их тоже не оказалось. Посидев немного у костра, он пошел к плотине. Ян не заметил, как в типи прокрались Гай и Сэм. Вернувшись, он увидел, что они роются в его записной книжке и Сэм читает вслух:

Пустельга, пустельга – отважная птичка!

Ты...

В ту же секунду Ян выхватил записную книжку из их рук.

– Готов спорить, дальше идет рифма «певичка», – сказал Сэм.

Лицо Яна пылало от стыда и гнева. Он любил сочинять стихи, но всегда скрывал это от других. Случай с храброй пустельгой, который он наблюдал тихим летним вечером, Ян описал в одном из стихотворений.

Гай, который был заодно с Сэмом, заметил безразличным тоном, словно сообщая какую-то всем известную вещь:

– Говорят, сегодня в лесах убили бесстрашного хохлатого индейца?

Но Яну было не до шуток. Он догадался, что виной всему Гай, и, обернувшись к нему, сердито сказал:

– Помолчи ты!

– Я не тебе говорю, – ухмыльнулся Гай.

Из типи донесся тихий говор и смех. Ян пошел к плотине и принялся замазывать трещины. В типи все стихло, потом оттуда вышел Гай. Приняв театральную позу и обращаясь к дереву над головой Яна, он начал декламировать:

Пустельга, пустельга – отважная птичка!

Ты – чудесная певичка!

Глина была под рукой, и большой комок тут же полетел в насмешника. С громким визгом Гай помчался к типи.

– Тебя встречают цветами! – послышался голос Сэма. – Выйди и прими новые букеты. Ты их заслужил. Сообщи мне, когда начнут вызывать автора.

И снова раздался смех. Ян вконец рассердился. Он схватил толстую дубину и швырнул ее в типи. Сэм, приподняв противоположный край типи, выскользнул наружу. Гай хотел последовать за ним, но Ян настиг его.

– Пусти! Я ничего тебе не сделал! Сэм! Сэ-эм! Помоги! – кричал Гай, пока на него сыпались удары.

– Не мешай мне! – раздался голос Сэма. – Я пишу стихи! Это совершенно особое занятие. А Ян добрый, он тебя только немножко поучит.

Гай вопил и орал во все горло.

– Ты получишь еще, если вздумаешь открыть рот! – сказал Ян, и тут он увидел Сэма с записной книжкой в руках.

Заметив Яна, Сэм откашлялся и начал:

Пустельга, пустельга – отважная...

Но кончить он не успел: Ян кинулся к нему, и мальчики схватились не на шутку. Гай поспешил на помощь к Сэму и несколько раз стукнул Яна.

Ян был худой, но очень ловкий, да к тому же он сильно окреп за время своего пребывания в Сэнгере, а в школе научился приему борьбы, известному, может, со дня сотворения мира, – кидать противника через спину. Ярость придала ему силы, и, как только они схватились, Ян, выждав удобный момент, кинул Сэма вверх ногами на землю.

Никто не заметил в пылу драки, что неподалеку стоял и наблюдал за ними Уильям Рафтен. Он скорее с грустью, чем с гневом следил за битвой. Не потому, что его огорчила ссора мальчиков, – нет, он слишком хорошо знал мальчишескую душу, чтобы придавать этому зна-

чение; но он не мог смотреть спокойно, как его большой и сильный сын терпит поражение в равной борьбе с худым и болезненным на вид мальчиком.

Так ничего и не сказав, Рафтен повернулся и ушел.

XV. Примирение

В тот вечер мальчики избегали друг друга. Ян почти ничего не ел и на заботливые расспросы миссис Рафтен отвечал, что ему нездоровится. После ужина все остались сидеть за столом в каком-то дремотном молчании. Ян решил про себя, что Сэм расскажет обо всем отцу, да к тому же приврет, а Гай его поддержит.

Пришел конец веселой жизни в Сэнгере, думал Ян. Он чувствовал себя как преступник, ожидающий приговора. Среди присутствующих только маленькая Минни, сестренка Сэма, которой едва сравнялось три года, веселилась и громко болтала. Как и все дети, она очень любила говорить что-нибудь «по секрету».

Минни играла около Сэма. Он поднял ее и шепнул что-то на ухо. Она слезла с его колен, подошла к Яну и, когда тот ласково взял девочку на руки, шепнула ему: «Секрет, никому не говори». Соскользнув на пол, она приложила пальчик к губам.

Что это должно было значить? То ли Сэм подослал ее, или она, как обычно, повторяла свою излюбленную игру? Ласка ребенка отогрела сердце Яна, и, прижав девочку к себе, он тихонько сказал: «Нет, Минни, я никому не скажу».

Яну вдруг стало стыдно за свои глупые мысли. Сэм был ему хорошим товарищем. Скорей бы с ним помириться! Но нет, Сэм в пылу ссоры грозился выгнать его. Просить прощения Ян не мог.

Ян сталкивался с мистером Рафтенем несколько раз за вечер, но тот ничего не говорил мальчику. Ян плохо спал и встал рано. Он встретил Рафтена одного, точнее – постарался сделать это. Ему очень хотелось откровенно поговорить с хозяином. Но разговор не состоялся. За завтраком Сэм вел себя как обычно, хотя по-прежнему не смотрел в сторону Яна.

Губа у него распухла, и он объяснил, что дрался накануне с мальчишками.

После завтрака Рафтен сказал:

– Ян, поедешь со мной в школу.

«Вот и конец», – подумал Ян, так как школа была по дороге к станции. Только почему же Рафтен не сказал «на станцию»? Он обычно не путал слова... Да и не было сказано, чтобы Ян захватил с собой вещи. Да их и некуда было класть в легкой коляске.

Рафтен правил молча. Через некоторое время он наконец спросил:

– Послушай, Ян, кем тебя хочет сделать отец?

– Художником, – ответил Ян, никак не понимая, какое это имеет отношение к его отъезду.

– Разве художнику нужно образование?

– Конечно! Чем образованней, тем лучше.

– Верно, об этом я все время твержу Сэму! Поэтому ты и считать умеешь. А художники много зарабатывают?

– Да. Некоторые даже миллионы получают.

– Миллионы? Ну, не думаю. Ты, наверное, преувеличиваешь...

– Честное слово! Вот художник Тёрнер³ нажил миллион. Тициан⁴ жил во дворце, и Рафаэль⁵ тоже.

³ Тёрнер Джозеф Мэллорд Уильям (1775–1851) – выдающийся английский живописец.

⁴ Тициан Вечеллио ди Кадоре (1477–1576) – великий итальянский живописец эпохи Возрождения.

⁵ Рафаэль Санти (1483–1520) – великий итальянский художник и архитектор.

– Вон как! Ничего о них не слыхал. Может, и верно. Образование много значит! Я всегда говорю об этом Сэму...

Они подъезжали к школе. Несмотря на летние каникулы, дверь школы была открыта и на крыльце стояли два седобородых старика. Они кивнули Рафтену. Это были члены правления школы. Один из них – Бойл, пользовавшийся наибольшей популярностью у населения Сэнгера, другой – Мур, последний бедняк, но прекрасной души человек, а Рафтена выбрали в попечители, зная, что он никаких денег не пожалеет на школу.

В этот день они собрались, чтобы обсудить постройку нового школьного здания. Рафтен вытащил целую кипу бумаг, среди которых было также разрешение из департамента народного образования. В разрешении говорилось, что половину средств на строительство должен был изыскать местный школьный округ, а другую половину расходов брал на себя департамент, если будут соблюдены все условия. Главным из них было – сделать школьное здание просторным и светлым. Но как могли малограмотные члены правления выполнить это требование? Обратиться в департамент за расчетами было неловко, а учитель находился в отъезде. И вот Рафтен блестяще разрешил эту труднейшую математическую проблему: он взял себе в помощники храброго худенького мальчика со смысленными глазами.

– Ян, – сказал он, протягивая ему двухфутовую линейку, – можешь ли ты сказать, сколько футов воздуха приходится в этом классе на каждого ученика, если все места заняты?

– Кубических футов?

– Погоди, – сказал Рафтен.

И вместе с Муром он стал водить огромным пальцем по засаленным документам.

– Да, да, кубических футов, – решили они наконец.

Ян быстро измерил длину, высоту и ширину комнаты. Трое взрослых с благоговением следили за его уверенными действиями. Потом Ян сосчитал, сколько в классе мест, и сказал:

– Включать учителя в расчет?

Попечители обсудили этот вопрос и решили, что все-таки стоит.

– Пожалуй, он расходует воздуха вдвое больше ученика!

Ян сделал несколько подсчетов на бумаге и сказал:

– Двадцать футов.

– Посмотрите! – сказал Рафтен с гордостью. – Совпадает с расчетами самого инспектора. Я же говорил вам, что он справится! Теперь давайте поглядим проект здания.

И они углубились в новые бумаги.

– Ян, а сколько надо воздуха, если учеников вдвое больше, учитель один, а помещение вот такое?

Ян подумал и сказал:

– Двадцать пять футов на каждого.

– Ну! – загремел Рафтен. – Разве я не говорил вам, что этот негодяй архитектор вместе с подрядчиком хотят обмануть нас! Думают, что мы невежды! Шайка разбойников!

Ян взглянул на план, которым яростно размахивал Рафтен.

– Погодите! – вдруг сказал мальчик таким тоном, каким он раньше никогда не говорил с Рафтенom. – Нужно еще высчитать прихожую и раздевалку.

Он сделал новые подсчеты и сказал, что план департамента вполне правильный. В глазах Бойла вспыхнул злорадный огонек. Рафтен, казалось, был разочарован, не найдя никакого мошенничества.

– Теперь скажи, Ян: в прошлом году оценочный сбор составлял двести шестьдесят пять тысяч долларов, и мы решили внести в школьный фонд по одному доллару на каждую тысячу; в этом году сбор увеличен до двухсот девяноста одной тысячи четырехсот долларов. Каков же будет школьный налог, считая так же – по доллару?

– Двести девяноста один доллар сорок центов, – ответил без колебания Ян.

Попечители переглянулись в изумлении.

Это был настоящий триумф Яна. Даже старый Бойл улыбнулся, а Рафтен – тот прямо сиял, словно в этой победе была и его доля.

С тех пор Рафтен смотрел на Яна как-то по-особенному. Ян только однажды видел на его лице такое выражение: когда он пожимал руку известному боксеру, победившему в трудном матче.

На обратном пути Рафтен говорил с Яном, как со взрослым, о своем сыне. Он долго обсуждал с ним свою излюбленную тему – образование. Ян не знал, что, увидев своего рослого сына побежденным, Рафтен нашел лишь одно слово себе в утешение: «Образованный...»

Итак, Рафтена нечего бояться. Но как быть с Сэмом? Яну очень хотелось помириться, но это становилось все труднее и труднее.

Как-то, покормив свиней, Сэм поставил лохани на землю. Тут откуда-то выбежала Минни. Увидав неподалеку Яна, она крикнула мальчикам:

– Сделайте стульчик! Покатайте меня!

Сэм и Ян робко взяли за руки. Малышка обхватила мальчиков ручонками за шеи и притянула их головы друг к другу. И тут Сэм, улыбнувшись, сказал:

– Знаешь, Ян, давай помиримся!

– Я давно хотел, – запинаясь, проговорил Ян. – Я очень виноват, прости меня!

– Пустяки! – ответил Сэм. – Это все из-за Гая получилось. Не будем вспоминать. Только никак не пойму – я же сильнее и больше тебя, и вещи поднимаю тяжелые, и работу потрудней твоей сделаю, а ты меня, будто мешок со стружками, швырнул! Научи меня, ладно?

Часть третья В лесах

І. Здравствуй, лес!

– Вы, кажется, теряете много времени на свои путешествия в лагерь и обратно. Почему бы не остаться там совсем? – как всегда равнодушно сказал Рафтен, и было непонятно, говорит он серьезно или в насмешку.

– Да мы бы только рады были, – ответил сын.

– Так что ж вам мешает? На вашем месте я переселился бы туда насовсем.

– Хорошо, – протянул Сэм. – Мы обязательно уйдем в лес.

– Только помните, мальчики, – сказал Рафтен, – каждый день вы должны кормить и поить скот.

– И это ты называешь переселиться насовсем – каждый день являться сюда на работу?

– Нет, Уильям! – вмешалась миссис Рафтен. – Какие же это каникулы? Так нельзя! Кто-нибудь сделает за них работу. Пусть отдыхают целый месяц.

– Месяц? Многовато.

– Почему не дать им отдохнуть хорошенько?

– Ну что ж, через месяц уборка. Вам придется поработать как следует. Ладно, можете идти.

– Ура! – закричал Сэм.

– Но я еще не кончил, – перебил Рафтен.

– Отец, дай нам твоё ружьё! – снова вставил Сэм.

– Послушай меня лучше! Вы пойдёте в лес на две недели. Но никаких ночёвок дома. Ружья и спичек я вам не дам. Не хочу потом слышать ваши отговорки: «Не знали, что ружьё заряжено, поэтому перебили всех птиц и белок, да и друг друга заодно». У вас есть луки и стрелы. Можете взять что хотите – хлеб, мясо. Готовьте себе пищу сами. И смотрите не подожгите лес! Если я увижу пожар, приду с ремнём, и вам несдобровать.

Все утро продолжались сборы. Руководила ими миссис Рафтен.

– Кто же из вас будет поваром? – спросила она.

– Сэм!.. Ян!.. – выпалили мальчики в один голос.

– По очереди, – сказала миссис Рафтен, – день Сэм, день Ян.

Потом последовали и наставления, как готовить кофе, варить картошку, жарить мясо.

– Приходите за молоком каждый день или через день, – сказала миссис Рафтен.

– Нет, мы лучше станем доить коров тайком прямо на пастбище! – придумал Сэм. – Так будет по-индейски.

– Берегитесь, если я поймаю вас около коров! – сердито проворчал мистер Рафтен.

– Можно нам нарвать в саду вишен и яблок? – спросил Сэм.

– Берите сколько хотите.

– А картофель?

– Можно.

– А яйца?

– Только не жадничайте.

– А пряники из кладовой? Индейцы их любят.

– Нет, хватит! Пора и честь знать! Так вы перетаскаете все наши запасы. У вас уже много всего: и постели, и сковородки, и еда полно.

– До болота придется везти на тележке, а потом по меченой тропе на своих спинах, – сказал Сэм.

– Дорога идет вдоль реки, – сказал Ян, – давай сделаем плот, погрузим на него и доплывем до запруды. Это будет по-индейски.

– Из чего вы свяжете плот? – спросил Рафтен.

– Сколотим кедровые бревна, – предложил Сэм.

– Никаких гвоздей в моем плоту! – сказал Ян. – Так индейцы не делают.

– А я не разрешаю брать мои кедровые бревна, – сказал Рафтен. – Мне кажется, что и работы меньше, да и по-индейски будет, если просто взять все на спину и идти пешком. И постель свою не замочите.

Плот решили не делать и пожитки свезли к реке, откуда начиналась дорога в лагерь. Рафтен пошел проводить мальчиков.

– Дайте мне тоже что-нибудь понести, – сказал он, к большому удивлению ребят, и взвалил на свои широкие плечи добрую половину груза.

Тропа тянулась всего на двести ярдов, и было достаточно два раза сходить туда и обратно, чтобы перенести все.

– Ты, наверное, не прочь и остаться с нами, отец, а? – спросил Сэм.

– Все это мне напоминает первые ночи в Сэнгере, – задумчиво сказал Рафтен. – Сколько ночей провели мы вместе с Калемом Кларком на берегу реки! Тогда вокруг был еще густой лес... А вы знаете, как устроить постель?

– Нет, мы ничего не знаем, – сказал Сэм, подмигнув Яну, – покажи нам.

– Вот поучитесь, как надо. Где топор?

– У индейцев нет топоров, – сказал Ян. – У нас есть большой и маленький томагавки⁶.

Рафтен усмехнулся, взял большой томагавк и указал на пихту:

– Вот вам будет славная постель, – и двумя ударами повалил дерево.

Скоро рядом с пихтой лежал молоденький яшень, из которого Рафтен нарубил четыре жерди: две – по семь футов в длину и две – по пять. Из белого дуба Рафтен выстругал четыре колышка.

– В каком месте устроите постель? – спросил Рафтен и вдруг, словно его осенила какая-то мысль, сказал: – Может, не хотите, чтобы я вам помогал? Сами все сделаете?

– Нет, нет, мистер Рафтен! – живо воскликнул Ян. – Мы очень рады вашей помощи. Мы же не знаем, как надо это делать! Кажется, в книге было написано, что лучшее место для постели – напротив двери и чуть-чуть в сторону. Давайте поставим ее сюда.

Рафтен вбил в землю колышки и поместил на них четыре жерди, которые составили основу для постели. Ян принес охапку зеленых веток, и Рафтен уложил их на раму. Получилась плотная мягкая постель в фут толщиной.

– Вот, – сказал Рафтен, – это и есть настоящая индейская перина – мягкая и удобная. Спать на земле опасно. Теперь достаньте парусину, которую мать вам положила. Из нее сделайте полог над кроватью.

Ян стоял не шевелясь, чем-то недовольный.

– Взгляни на Яна, отец! – сказал Сэм. – У него всегда такой вид, если нарушают правила игры.

– Что случилось? – спросил Рафтен.

– Первый раз слышу, чтобы у индейцев в палатке были пологи, – сказал Ян.

– А слышал ли ты, что индейцы устраивают «покрышку от росы»?

– Да, – удивленный познаниями Рафтена, ответил мальчик.

– Вот погляди, как ее надо делать, – сказал Рафтен.

⁶ Томагавк – боевой топорик североамериканских индейцев.

Уходя, Рафтен повернулся к мальчикам и сказал серьезным тоном:

– Можете стрелять ястребов, ворон и соек, потому что они истребляют других птиц. Зайцев и енотов тоже разрешаю. Но не вздумайте убить белку или бурундука. Тут уж вам несдобровать!

II. Первая ночь и первое утро

Странное, незнакомое чувство охватило мальчиков, когда они увидели спину удаляющегося мистера Рафтена. Наконец шаги его замерли, и только тогда Ян и Сэм действительно поняли, что они остались в лесу совсем одни.

– Огня! – сразу крикнул Сэм.

Ян взял зажигательные палочки, и через минуту в типи пылал костер. Сэм принялся готовить ужин из «бизоньего мяса и луговых корней» (говядина с картофелем).

Они мирно поели и уселись друг против друга около костра. Разговор не клеился, а затем и вовсе увял. Каждый был занят собственными мыслями.

Вдруг с речки донесся всплеск.

– Наверное, выхухоль, – шепнул Сэм, отвечая на безмолвный вопрос друга.

Вдалеке послышался знакомый мальчикам крик: «Уху-ху! Уху-ху!» Это была сова. Внезапно над головой в ветвях раздался долгий вой.

– Что это?

– Не знаю, – был ответ.

Обоим снова стало не по себе. Свет меркнул, сгущались сумерки, и таинственность ночи угнетала мальчиков. Но ни один не предложил вернуться домой: тогда их лагерной жизни настал бы конец. Сэм поднялся, помешал огонь и, не найдя больше хвороста, вышел из типи, буркнув себе что-то под нос. Лишь долгое время спустя он признался, что ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы выйти в темноту.

Сэм принес несколько веток и прикрыл за собой дверь поплотнее. В типи снова весело трещал огонь. Костер стал немного дымить, и Сэм сказал:

– Ты можешь поправить дымовой клапан, у тебя это лучше получается.

Ян заставил себя вылезти из типи. Ветер крепчал и дул теперь с другой стороны. Ян переставил шесты и спросил хриплым шепотом:

– Ну как?

– Получше, – послышался такой же шепот из типи, хотя костер дымил по-прежнему.

Ян поспешно влез в палатку и накрепко привязал дверь.

– Давай подбросим хворосту в огонь и ляжем спать, – сказал Ян.

Мальчики скинули куртки и улеглись, но сон не приходил. Особенно был взбудоражен Ян. Только огонь слегка успокаивал. Глаза сонно смыкались, но при малейшем шорохе Ян вздрагивал. С крыши вдруг послышалось: тик-тик, скрап-скра-ап!.. «Медведь!» – спросонок подумал Ян, но тут же сообразил, что это просто лист царапает брезент типи. Немного позже он проснулся от непонятного шуршания, которое раздавалось совсем рядом. Затаив дыхание, он прислушался. Это, наверное, скреблась мышь. Ян с силой ударил по брезенту и зашикал, пока зверек не убрался. Где-то в верхушках деревьев снова пронесся странный вой. У Яна просто волосы встали дыбом. Он протянул руку и пошевелил огонь. Но вот все стихло, и Ян опять задремал. Проснулся он внезапно и увидел, что Сэм сидит на постели и прислушивается.

– Что там, Сэм? – прошептал он.

– Не знаю. Где топор?

– Тут, рядом.

– Я его положу около себя, а ты возьми большой нож.

Наконец сон совсем сморил их, и они уже больше не просыпались до самого утра. Ян открыл глаза, когда яркое солнце наполнило типи рассеянным светом.

– Дятел, Дятел! Вставай! – весело кричал Ян своему спящему другу.

Сэм лениво отмахнулся, хотя и помнил отлично, где он находится.

– Сэм, вставай. Ты сегодня повар и подашь мне завтрак в постель. Похоже, у меня тоже разболелось колено.

– Давай поплаваем перед завтраком!

– Нет, спасибо. Я сейчас очень занят! Да к тому же утром вода холодная.

Утро было свежее и солнечное; кругом пели птицы. Когда Ян встал, чтобы приготовить завтрак, он никак не мог понять, что страшило их прошлой ночью. Ему хотелось снова услышать тот странный вой, чтобы узнать, откуда он доносился.

В золе нашлось несколько тлевших угольков. Ян раздул огонь, и через минуту в котелке кипела вода, а на сковородке жарилось мясо.

Сэм лежа наблюдал за товарищем, то и дело отпуская всякие шуточки.

– Повар из тебя выйдет превосходный, но огонь развести ты не можешь. Куда это годится? – спросил он, когда из костра прямо на брезент с треском полетели искры.

– Что же мне делать?

– Ставлю лучшую отцовскую корову против твоего складного ножика, что ты бросил в огонь вяз или тсугу.

– Да, – смущенно признался Ян.

– Сын мой, – сказал Великий Вождь Дятел, – искры могут спалить типи. Береза, клен, орешник и ясень никогда не дают искр. Сучки и корни сосны тоже, но зато они дымят так, что... ну, ты знаешь сам, как они дымят! Вяз, тсуга, каштан, ель и кедр страшно сыплют искрами: эти породы не подходят для порядочных людей. Большинство индейцев не выносит огня, который трещит и шипит: это может услышать враг. И потом, такой огонь спалит постель!

– Хорошо, дедушка, – сказал повар, запомнив все, что сказал Сэм, и добавил угрожающим тоном: – А теперь вставай, слышишь! – И он поднял ковш с водой.

– Это могло бы напугать Великого Дятла, если бы у Великого Вождя Повара была отдельная постель! Так что мне остается лишь презрительно улыбнуться, – важно закончил Сэм свою тираду.

Увидав, что завтрак поспел, он быстро вскочил. Мальчики весело поели и долго смеялись над своими ночными страхами.

III. Хромой воин и «книга посетителей»

– Послушай, Сэм, как насчет Гая? Может, позвать его?

– Давай. В школе или где-нибудь еще я бы не стал дружить с ним, но в лесу становишься добрее, и втроем лучше, чем вдвоем. И потом, мы уже приняли его в наше племя.

– Я тоже так думаю. Пусть он услышит наш клич.

Мальчики издали долгий пронзительный крик, чередуя его с более обыкновенными звуками. Это был их условный зов, на который всегда приходил Гай, если только он не был занят работой и поблизости не оказывалось отца, чтобы удержать его от бегства к индейцам. И сейчас он не замедлил явиться, размахивая веткой над головой в знак своих дружеских намерений.

Гай шел медленно, и мальчики заметили, что он сильно хромотает, опираясь на палку, а левая нога его обмотана тряпками.

– Эй, Ветка, что случилось? Никак у тебя была стычка с бледнолицыми?

– Нет. Это я вместо того, чтобы сгребать траву, катался на граблях верхом. Вот мне и попало от отца.

– Слышали. Когда это было?

– Вчера около четырех.

– Вот-вот! Мы слышали страшный вой, и Ян сказал: «Дневной поезд пришел. Кажется, опоздал сегодня». – «Какой там поезд, – говорю я, – скорее всего, это Гаю задали трепку».

– У меня, наверное, все прошло, – сказал Боевой Вождь Ветка и стал разматывать повязку, под которой обнаружилась всего-навсего легкая царапина. Он бережно отложил тряпки в сторону и сразу перестал хромать.

Как чудесно было вставать на рассвете! В ветвях резвились белки, кругом пели птицы, а на маленьком пруду, куда индейцы убежали купаться, дикая утка плеснула по воде крыльями и, со свистом рассекая воздух, скрылась из виду.

– Что ты там нашел? – спросил Сэм, увидав, как Ян внимательно разглядывает что-то на берегу.

Ян не отвечал, и Сэм, подойдя, заметил, что тот старательно перерисовывает след, отпечатавшийся в грязи.

– Что это? – снова спросил Сэм.

– Не знаю. Слишком широкий для выхуоли, слишком когтистый для кошки, маловат для енота и слишком когтистый для ондатры.

– Уж не приходил ли сюда банши?⁷

Ян только улыбнулся в ответ.

– Смейся, смейся! – важно проговорил Дятел. – Посмотрим, что ты будешь делать, если он влезет в типи и засвистит в свистульку на своем хвосте! Тогда завопишь: «Где топор?»

– А знаешь, по-моему, это куница, – не обращая внимания на угрозы Сэма, сказал Ян.

– Сын мой Маленький Бобр! – довольным голосом начал Дятел. – Я уже давно понял, что это след куницы, и хотел тебе подсказать, но потом подумал: «Ничто так не закаляет человека, как поиски. Пусть он сам решит. Не годится помогать ему во всем».

С этими словами Сэм снисходительно похлопал по плечу Великого Маленького Бобра и одобрительно кивнул. Он и наполовину не разбирался в следах так, как Ян, но продолжал болтать:

– Маленький Бобр! Ты отлично читаешь следы и скажешь по ним сразу, что происходило ночью. Быть тебе следопытом в нашем племени! Но соображаешь ты плохо. Земли, которыми владеет наше племя, каменисты и покрыты травой, и следы могут отпечататься только на берегу реки. Если бы я стал следопытом, то начало и конец тропинок я бы замазал глиной.

⁷ Банши – лесной дух, схожий с лешим русских поверий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.